

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

18+

ЧИЖАТИИ

ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

CRIMINAL STORY

ЧИТАЙ КНИГУ – СМОТРИ СЕРИАЛ В **ökko**

Criminal Story. Психология преступления

Алексей Гравицкий

Чикатило. Зверь в клетке

«ЭКСМО»

2022

УДК 343.953
ББК 67.51

Гравицкий А. А.

Чикатило. Зверь в клетке / А. А. Гравицкий — «Эксмо»,
2022 — (Criminal Story. Психология преступления)

ISBN 978-5-04-169671-9

За время операции «Лесополоса», направленной на поимку Чикатило, на причастность к серии убийств было проверено более 200 000 человек. Было раскрыто 1062 преступления, включая 95 убийств, 245 изнасилований, 140 случаев нанесения тяжких телесных повреждений и 600 других преступлений. Была собрана информация на 48 000 человек с сексуальными отклонениями. 5845 человек поставлено на специальный учет. Однако самого Чикатило не удавалось поймать в течение двенадцати лет с момент совершения первого убийства. Продолжение истории о двойной жизни самого известного маньяка Советского Союза. Вы узнаете о том, как следователям удалось разоблачить подражателя «Ростовского потрошителя», вычислить неуловимого преступника и как проходил судебный процесс над Андреем Чикатило. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 343.953
ББК 67.51

ISBN 978-5-04-169671-9

© Гравицкий А. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Часть II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Гравицкий, Сергей Волков

Чикатило. Зверь в клетке

© А. Гравицкий, С. Волков, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Роман основан на реальных событиях. Из уважения к чувствам живущих и памяти погибших имена действующих лиц изменены.

Пролог

1992 год

Зал суда был полон – яблоку негде упасть. Люди сидели, стояли в проходах и возле стен, толпились в коридоре. Судья, немолодой уже мужчина в строгом костюме, сидел на возвышении в кресле с высокой спинкой, листал папку с материалами дела.

Напротив, там, где обычно находилась скамья подсудимых, стояла металлическая клетка, а внутри нее, возле микрофона, сидел осунувшийся бритый наголо мужчина в очках в роговой оправе.

Мужчина не выглядел угрожающе, от такого не ждешь чего-то опасного. Но не было ни в этом зале, ни в этом городе человека страшнее его.

– Подсудимый, среди ваших жертв двадцать один мальчик. – Голос судьи звучал глухо и неприязненно, несмотря на то, что суду полагается быть беспристрастным. – Почему вы так часто выбирали мальчиков?

– Все равно, – лениво отозвался подсудимый. – Я и женщинам предложения делал.

– В материалах дела сказано, что вы вырезали у своих жертв органы. Как поступали с вырезанными органами после?

– Разбрасывал по дороге, затапывал, смешивал с грязью – ничего не соображал, – человек в клетке сказал это обыденным тоном.

В зале стояла гнетущая атмосфера. Люди – в большинстве своем родственники жертв – были подавлены и обозлены, и ответы подсудимого еще сильнее будоражили их.

– А вещи жертв? Деньги, часы, украшения?

Человек в клетке в одно мгновение оживился и вскочил в праведном гнев.

– Конечно, выбрасывал, втапывал в землю! – затараторил он возмущенно. – Я вам не жулик какой.

– Вы никогда не задумывались, что жертвам больно? Неужели, убивая мальчиков, ни разу не подумали о своем сыне?

Но подсудимый уже не слушал, его оскорбило предположение, что он мог позариться на чужие вещи.

– Я не вор какой-нибудь! – негодовал он, игнорируя новые вопросы судьи. – Я честный человек!

– Повторяю вопрос...

– Я пришел сюда на свои похороны! – не унимался человек в клетке, перебив судью. – Все меня ненавидят! А вы успешно сами себе вопросы задаете и сами на них отвечаете. Оставьте меня в покое...

По залу прошел ропот, но подсудимого это, кажется, нисколько не взволновало. Он бормотал теперь что-то малоразборчивое под нос и суетливыми движениями расстегивал рубаху на груди.

Ропот усилился. Судья похлопал ладонью по столу, призывая всех к порядку. Но остановить недовольство в зале было уже не так просто. Да и человек в клетке повысил голос настолько, что теперь значение его невнятного бормотания прояснилось – это были слова «Интернационала»:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Подсудимый кричал уже в полный голос, распахивая рубаху на груди:

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем – тот станет всем!

– Закройте рот, подсудимый! – повысил голос судья. – В газетах пишут, что вы ненормальный! А вы – нормальный!

Словно пытаясь оспорить это утверждение, подсудимый спустил штаны, раскинул в стороны руки и застыл перед судом со спущенными штанами и обнаженным членом.

Напрасно судья стучал по столу, призывая к порядку. Люди в зале возмущались, а тот, кто вызвал это возмущение, продолжал кричать:

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

– Выведите подсудимого из зала суда, – рявкнул судья, отчаявшись добиться порядка.

Конвоиры бросились открывать замок. Мешая друг другу, попытались одновременно натянуть на подсудимого штаны и вытащить его из клетки. Но тот лишь извивался, продолжая фальшиво выкрикивать слова «Интернационала»:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Под негодующие крики конвоиры выволокли наконец подсудимого из клетки, завернули ему руки за спину и потащили к расположенной рядом лестнице, которая уходила во тьму, словно в преисподнюю.

Человека из клетки увели, затих где-то далеко внизу «Интернационал», но в зале спокойнее не стало. Люди негодовали. Процесс шел уже несколько недель, но до финала было еще далеко.

На дворе стоял тысяча девятьсот девяносто второй год. Человека в клетке звали Андрей Романович Чикатило.

Часть I

1992 год

Несколькими месяцами ранее народу в зале заседания суда было столько же, но настроение царило другое: было меньше усталости, а вот ненависти и слез, пожалуй, побольше. Судья тогда выглядел спокойнее. Только сам Чикатило не изменился: он сидел в клетке с тем же скучающим видом.

– Подсудимый Чикатило, вернемся к восемьдесят шестому году, – сказал судья. – В том году вы не совершили ни одного убийства. С чем это связано?

– Незачем было, – Чикатило лениво зевнул, неприятно раззявив рот и не пытаясь прикрыть его.

– Говорите в микрофон.

– У меня был подъем в работе, – подсудимый нехотя придвинулся к микрофону. – В честь пятидесятилетия приветственный адрес¹ мне вручили. Дома все хорошо было. Нормальная психика была.

– Значит, вы могли сдерживать свои порывы?

Чикатило не ответил, лишь криво растянул губы в ухмылке.

* * *

Чикатило соврал. Далеко не все хорошо складывалось у него в восемьдесят шестом году. Нет, на работе и в самом деле был подъем, и юбилей прошел чудесно. Вот только дома наметился разлад.

А началось с того, что из Ростова-на-Дону после сдачи экзаменов приехала дочь Людмила. Родители встретили ее с радостью, Фаина тут же принялась за готовку, а Чикатило прохаживался рядом, поторапливая жену народной мудростью: «Все, что есть в печи, на стол мечи». Вот только сама Люда все больше хмурилась и была чем-то глубоко озабочена. Матери она отвечала все больше невпопад, отцу не отвечала вовсе.

Ближе к обеду выяснилось, что в доме нет хлеба, и Чикатило отправился в булочную на углу, где, по его словам, «нарезной» всегда свежий. Фаина не стала дожидаться возвращения мужа, усадила детей обедать. Юрка уминал котлеты за обе щеки, Люда же, напротив, была притихшая и вяло ковыряла вилкой в тарелке.

– Людочка, а ты почему ничего не ешь? – забеспокоилась Фаина. – Я вот синенькие сделала, как ты любишь... Или экзамены плохо сдала?..

– Мама! Экзамены я нормально сдала... Тут другое...

– Что?

– Потом скажу, – Людмила зыркнула на брата и потупилась.

Юрка ничего не заметил. Он первым доел, шумно поднялся из-за стола и, положив тарелку в раковину, бросил на ходу:

– Мам, спасибо. Я пошел! Отцу привет, когда придет!

Он вышел из кухни, повозился в прихожей, было слышно, как он одевается. Хлопнула входная дверь, и все стихло.

¹ Приветственный (поздравительный) адрес – послание сотруднику предприятия в связи с празднованием персональных или публичных памятных дат или праздников, в котором выражаются благодарности и пожелания получателю. (Прим. ред.)

Дождавшись, когда они останутся наедине, Фаина вопросительно посмотрела на дочь.

– Мне такое рассказали... – Людмила смотрела в тарелку, боялась поднять глаза. – У нас в абитуре девочка была... Она у отца училась, когда он в школе работал. Как фамилию мою узнала...

Людмила замолкла, а потом решительно подняла взгляд и пристально посмотрела на мать.

– Мам, а папа... он извращенец, да? Его за это из школы выгнали?

Вопрос полоснул, словно плетью, повис в воздухе. Фаина поджала губы. Не думала она, что когда-нибудь еще заговорит с кем-то на эту тему. Тем более с дочерью.

– Господи, опять это вранье... – процедила Фаина сквозь зубы. – Не выгнали его. Он сам заявление написал!

– Какая разница! – взъелась Людмила.

– Большая! Его заставили, поняла? Там дрянь какая-то, сикилявка, училась плохо, а отец ей хорошие оценки за красивые глаза ставить не хотел. Вот она и отомстила – наплела с три короба, что он что-то там от нее требовал в классе...

Людмила недоверчиво посмотрела на мать.

– Эта девочка... Она сказала, что отец... Он в трусы ей залезал! И хватал. Он хотел ее...

– Вранье! – Фаина попыталась сдержаться, но сорвалась на сдавленный крик.

Но во взгляде дочери не было веры.

– У нее нервный срыв был... Она в больнице лежала...

В коридоре щелкнул отпираемый замок, тихонько хлопнула входная дверь, послышались шаркающие шаги. Людмила замолчала, плотно сжала губы. На пороге появился Чикатило с авоськой.

– «Нарезного» не было. «Московский» взял. И еще, Людочка, булочек сдобных с изюмом, твоих любимых.

Людмила резко посмотрела на улыбающегося отца.

– Отец, за что тебя уволили из школы тогда? Только честно!

– Да я сам ушел. – Внезапный вопрос застал Чикатило врасплох. – Там была одна... Она на меня заявление написала... Учиться не хотела, хвостом перед мальчиками вертеть любила. В общем, отомстила мне. Дети хитры и коварны...

Чикатило снова улыбнулся.

– И за это ты с ней в классе заперся?!

Чикатило вздрогнул, как от пощечины, и взглянул на дочь растерянно и зло.

– Откуда ты знаешь?

– То есть это правда?! Ты трогал маленькую девочку... – На глазах Людмилы навернулись слезы.

– Нет, это ложь, – Чикатило уже взял себя в руки и говорил спокойно.

– Людмила, ты как с отцом разговариваешь?! – вклинилась Фаина.

– Он мне не отец! – Людмила выскочила из-за стола и выбежала из кухни.

* * *

Неважно шли дела и у следственной группы. Радость от поимки преступника сменилась разочарованием и усталостью, когда стало ясно, что задержанный Калинин если и преступил закон, то совершенно точно никого не убивал.

Совещание давно закончилось. Кесаев вышел после него сердитый и озадаченный, а через полчаса в кабинете полковника затрещал телефон. Звонили из Москвы. Коротко поздоровались, сухо пригласили в столицу и холодно попрощались. Звонок этот не предвещал ничего хорошего.

О своем отъезде Кесаев сообщил только Ковалеву как главе уголовного розыска Ростовского УВД. Но что знают двое, знает и свинья.

– А где Кесаев? – поинтересовался заглянувший в кабинет к Ковалеву Липягин.

– Зачем он тебе?

– Документы передать.

– Оставь свои документы, – отмахнулся Ковалев, – полковник в Москву умотал.

– Опять жаловаться? – усмехнулся Липягин.

– Знаешь, Эдик, он мне не докладывает, – разозлился Ковалев, который, как и московский коллега, от срочных вызовов наверх ничего хорошего не ждал. – А ты зря смеешься. Он персонально под тебя копает, как бригада экскаваторщиков. И если б ты знал, с чем он ко мне приходит, ты бы тут не ухмылялся, блядь.

– Ты чего, Семеныч? – озадаченно спросил майор, растеряв всю веселость.

– Ничего, – зло пробурчал Ковалев. – Ничем хорошим эти его поездки еще не заканчивались. И хрен его знает, какую хуйню он из столицы на этот раз привезет.

* * *

Ничего плохого в этот вечер не ждала от жизни только старший лейтенант Ирина Овсянникова. Рабочий день закончился, она шла по улице под руку с любимым человеком и была вполне счастлива. Вот только любимый человек, капитан Витвицкий, пребывал в задумчивости. Ирина попыталась понять его настроение, с сочувствием заглянула капитану в глаза.

– Что с тобой?

– Устал, – пожал плечами Витвицкий. – Я очень за тебя волновался, когда ты пошла на задержание.

Овсянникова улыбнулась. Волнения капитана казались ей безосновательными, а оттого особенно трогательными. Ирина не раз участвовала в оперативных мероприятиях. Иногда это было на самом деле небезопасно, но точно не в этот раз.

– Зря волновался. Ничего бы он мне не сделал.

– Был бы убийцей, мог бы и сделать, – не согласился Витвицкий.

Овсянникова снова улыбнулась.

Они остановились у входа в гостиницу. Овсянникова взяла Витвицкого за руку.

– Ну что, товарищ капитан, до завтра?

Витвицкий на секунду замаялся, обдумывая что-то.

– А пойдем ко мне? – выпалил вдруг, словно кидаясь с головой в омут. – Поужинаем в ресторане. Там сносно кормят. А потом...

Он вдруг осекся, поразившись смелости собственных мыслей, чем еще больше развеселил Ирину.

– Предлагаешь мне в гостинице заночевать? – озорно спросила она.

Витвицкий окончательно ступеялся.

– Знаешь, а поехали лучше ко мне, – предложила она. – Поужинаем дома. Я сносно готовлю.

– Ты уверена? – растерялся Витвицкий, совершенно не ожидавший такого поворота.

– Что я сносно готовлю? – рассмеялась Ирина. – Это крайне неприлично, товарищ капитан, сомневаться в моих кулинарных способностях. Я не давала вам повода для этого.

– Да нет, Ирина... – забормотал капитан под нос. – Я не об этом... Я...

– Так что? Идем? – Овсянникова взяла быка за рога.

Она смотрела на него, и он тонул в ее глазах.

– Идем, – кивнул Виталий, и они направились к автобусной остановке.

* * *

Ирина, как оказалось, жила в коммуналке. Они пришли сюда уже затемно. Овсянникова распахнула дверь, и темноту в крохотной прихожей разрезала полоска света. Витвицкий успел разглядеть старую обшарпанную рогатую вешалку, закрытые двери в несколько комнат и одну распахнутую – на общую кухню.

– Тихо, – прошептала Ирина. – Проходи, только вешалку не урони.

Следом за этим предупреждением закрылась входная дверь, и прихожая снова потонула во мраке. Прошуршали шаги, и заскрежетал ключ в замке.

– Не волнуйся, я аккуратно, – отозвался Витвицкий, обращаясь к мягкой темноте, в которой Ирина возилась с замком своей комнаты.

Витвицкий двинулся на этот звук, старательно огибая вешалку по широкой дуге, чтобы уж точно ее не опрокинуть, но неожиданно споткнулся, наступив на что-то. Раздался обиженный кошачий мяв.

– Вот ведь... Кошка! – с досадой прошептал капитан.

Ирина тихонько хихикнула в темноте и отперла наконец дверь комнаты.

– Это соседская кошка, – пояснила она шепотом. – Заходи.

Витвицкий шагнул через порог, Ирина закрыла дверь и щелкнула выключателем. Свет ударил в глаза, заставляя Виталия сощуриться. Он аккуратно разулся и огляделся.

Комната оказалась довольно просторной. В углу возвышался большой шкаф, чуть в стороне от него стояла разложенная, но аккуратно укрытая покрывалом софа, рядом высился торшер. По другую сторону – стол, кресло, пара стульев. Над столом висели несколько книжных полок.

Витвицкий неспешно прошел к полкам, принялся изучать тисненные корешки. Овсянникова на это улыбнулась.

– А ты все-таки, смотрю, настоящий интеллигент.

Витвицкий обернулся, вопросительно поглядел на девушку.

– Разулся и первым делом к книжным полкам пошел, – пояснила Ирина все с той же теплой улыбкой. – И, наступив в темноте на кошку, назвал ее кошкой.

Она подошла к шкафу, открыла его, отгораживаясь дверцей, словно ширмой, от остальной комнаты, быстро сняла китель. Витвицкий деликатно отвернулся и снова принялся рассматривать полки.

Библиотека у Ирины была небольшая, основу ее составляли новые книги модных современных авторов. Только на одной полке стояло несколько старых, пропыленных томиков классики. Так бывает, когда переехавший в новый дом человек забирает из старого несколько особенно любимых книг.

– А я не знал, что ты в коммуналке живешь, – заметил Витвицкий, не оборачиваясь, чтобы не смущать переодевающуюся девушку.

– Думал, с родителями? – поинтересовалась Ирина.

– Почему обязательно... – Виталий чуть смешался. – Может, с бабушкой.

– Нет. Они сами в центре. И расселение у нас в ближайшее время не планировалось. Так что когда от работы предложили комнату, я согласилась. Отсюда до Управления далековато, но зато я сама по себе.

Закончив с переодеванием, Овсянникова закрыла шкаф и подошла к Витвицкому.

– А ты?

– Я с мамой, – Виталий потупился, хотя никогда раньше не стеснялся того, что живет с матерью.

Злясь на себя за невесту откуда взявшееся смущение, капитан обернулся, посмотрел на Ирину и окончательно оробел. Такой он ее прежде не видел. Овсянникова стояла перед ним не в форме, не в каком-то выходном наряде, призванном произвести впечатление, а в домашнем халатике. В ее теперешнем виде было что-то уютное и бесконечно милое.

– Ирина...

– Что? – Снова улыбнулась она.

Витвицкий в ответ только покачал головой.

– Располагайся, – пригласила Ирина, – а я пойду на кухню, займусь ужином.

Она коротко поцеловала его в губы, собираясь выйти, но он не дал ей такой возможности, притянул к себе и поцеловал в ответ долго и нежно.

* * *

На дежурство Чикатило всегда приходил немного заранее. Он вообще старался произвести в народной дружине хорошее впечатление. Терять здесь место не хотелось, это было бы недальновидно, ведь пока он работал в тесном сотрудничестве с органами правопорядка, мог не беспокоиться о том, что мимо него пройдут какие-либо новости об охоте на Ростовского потрошителя.

В этот день он пришел на место встречи даже раньше инструктора. Впрочем, тот не заставил себя долго ждать.

– Здорово, Романыч, – поздоровался он издали.

– Здравствуй, – кивнул Чикатило.

Милиционер подошел ближе, протянул руку для рукопожатия:

– А Панасенко где?

Чикатило застенчиво улыбнулся, пожал плечами. Панасенко, как всегда, опаздывал, он, кажется, ни разу еще не пришел вовремя. К этому пора бы было привыкнуть, но реакция у инструктора на задержки нерадивого дружинника зависела от настроения. Когда оно было хорошим, он просто не замечал опозданий. Сегодня он был не в духе.

– Опять, значит, опаздывает, – мрачно произнес он.

Чикатило не хотел обсуждать Панасенку, а потому занялся делом: достал из кармана красную повязку дружинника, аккуратно натянул ее себе на плечо.

– Хоть кол ему на голове теши, – продолжал между тем негодовать инструктор. – Выставить бы его, паразита, из ДНД, только не время сейчас. И так людей не хватает.

– А что такое? – насторожился Чикатило.

– Распоряжение по области с самого верха. Всем ловить этого... в шляпе... – понизив голос, поделился инструктор. – Милицию, народные дружины, комсомол – всех приказали задействовать, чтобы под каждым кустом на него засада была.

У Чикатило подрагивали пальцы, и ровно зафиксировать на плече повязку не получалось.

– И долго так ловить собираются?

– Пока не поймут, – ответил инструктор и подался к Чикатило, заметив его заминку с повязкой. – Да чего ты возишься? Давай помогу.

Чикатило не стал сопротивляться.

– В общем, операция «Лесополоса» у нас. Понимаешь ситуацию? – Продолжал изливать душу милиционер, помогая Чикатило. – А тут работать с обалдуями вроде этого вашего Панасенко приходится. Хорошо еще, что ответственные люди вроде тебя встречаются, а то совсем хоть в петлю лезь.

– Салют! – весело приветствовал подошедший Панасенко. – Ну, что я пропустил?

– Время сбора ты пропустил, товарищ Панасенко, – сердито пробурчал инструктор. – В другой раз выговор тебе влеплю.

– Да ладно, отец-командир, – отмахнулся тот, – мы ж не в армии.
– Продолжишь в том же духе, получишь выговор уже сегодня, – еще сильнее озлился милиционер. – Бери пример с товарища Чикатило. Он раньше меня пришел и в работе аккуратен, дай бог каждому.

Панасенко вытянулся во фрунт и дурашливо приложил руку к виску, отдавая честь:

– Слушаюсь, товарищ командир. Есть брать пример с Романыча.

– К непокрытой голове руку не прикладывают, – устало отмахнулся инструктор. – Идем. Сегодня отрабатываем электрички.

* * *

Ночь прошла чудесно, и в Управление Витвицкий пришел в приподнятом настроении. Впрочем, его тут же и испортили.

– Товарищ капитан, вас руководство искало, – сказал дежурный на проходной.

Начальством, которое могло искать капитана, мог быть только Кесаев. А полковник подчиненных к себе приглашал не на чай с плюшками. Потому в кабинет к руководству Витвицкий входил, ожидая не самого приятного разговора, но реальность превзошла все самые мрачные ожидания.

– Вызывали, Тимур Рус... – начал Витвицкий, прикрывая за собой дверь, и осекся на полуслове.

За столом на месте Кесаева сидел майор Горюнов и смотрел на капитана со своей извечной нагловатой улыбкой.

– Доброе утро, Виталий Иннокентьевич, – приветствовал майор, и в голосе его прозвучала насмешка.

– Что вы здесь делаете? – холодно поинтересовался Виталий.

– Не очень любезно с вашей стороны начинать разговор с начальником с подобных вопросов.

Витвицкий растерянно заморгал, пытаясь осмыслить происходящее, но появление майора в виде хозяина начальственного кабинета не укладывалось в голове. Чтобы не стоять соляным столпом, Виталий Иннокентьевич снял очки и протер стекла. На лице Горюнова появилась откровенная насмешка.

– Что ж вы стоите? – Майора явно забавляла ситуация, и он продолжал развлекаться. – Присаживайтесь, товарищ капитан.

– Благодарю, – произнес Витвицкий.

Голос его прозвучал предательски сипло. Виталий откашлялся, сел к столу.

– А что с Тимуром Руслановичем? – спросил он угрюмо.

Вызов к Кесаеву казался ему теперь светлой перспективой.

– Во-о-о-т, – протянул Горюнов, – вы уже задаете правильные вопросы. Тимура Руслановича отозвали в Москву. Появилось мнение, что после начала операции «Лесополоса» он больше не нужен в Ростове.

– И он согласился? – удивился капитан.

– Что значит «согласился»? Согласия никто не спрашивает. Партия сказала: «надо», комсомол ответил?..

Горюнов сделал многозначительную паузу и выжидательно посмотрел на Витвицкого.

– «Есть!» – буркнул под нос Виталий, заканчивая избитую фразу.

– Верно понимаешь обстановку, капитан, – бодро похвалил Горюнов. – И пока другого решения со стороны Москвы нет, временно исполняющим обязанности руководителя межведомственной группы назначен я. Так что в другой раз давай-ка все вопросы, предложения и отчеты по форме.

Витвицкий неприязненно поглядел на Горюнова. Работать под началом этого человека ему хотелось в последнюю очередь. Уж лучше бы исполняющим обязанности руководителя назначили Ковалева.

– А рапорт по форме я могу подать? – мрачно спросил капитан.

– Можешь, – с усмешкой отозвался Горюнов. – Только я его не приму, так что не трать время и бумагу.

* * *

В электричке было немногочленно: у окна сидел старик в очках и шляпе, с тряпичной сумкой на коленях, напротив него женщина с маленькой девочкой. Да еще пяток пассажиров на весь вагон.

Женщина с увлечением читала детектив Дика Френсиса, девочка болтала ногами. История про жокеев и махинации на скачках так увлекла молодую мать, что на девчушку она практически не обращала внимания.

– Мама, а когда мы приедем? – в который раз спросила девочка.

– Скоро, – не отрываясь от книги, отвечала женщина.

– А сколько еще станций?

– Восемь, – в голосе матери появилось легкое раздражение. – Я же тебе говорила.

Разъехались в стороны двери, и в вагон из тамбура вошли трое: инструктор и Чикатило с Панасенко. Они неторопливо шли по проходу, внимательно приглядываясь к пассажирам. Увлеченная детективом мать не обратила на них внимания, скучающей девочке они тоже показались неинтересными.

– Ты говорила девять, – не унималась девочка.

– Я говорила «девять» одну остановку назад. Ты же умеешь считать, – женщина перелистнула страницу, так и не оторвав глаз от книги.

– Скучно-о-о, – заныла девочка.

Старик в очках и шляпе, с интересом наблюдавший за этой сценой, улыбнулся девочке. Девочка смутилась, отвернулась к окну и снова принялась болтать ногами. Старик развернул сумку, вытащил из нее бумажный кулек с конфетами «Полет», вынул пару конфет и протянул девочке. Девочка, поколебавшись, взяла конфету.

Мама бросила на дочку короткий взгляд поверх книги:

– Что надо сказать?

– Спасибо, – дежурно поблагодарила старика девочка.

– Пожалуйста, – кивнул тот и потрепал девчушку по плечу. – А ты потерпи. Знаешь, как в песне поется? «Надо только выучиться ждать»².

Эта любезность от человека в очках и шляпе не укрылась от глаз Панасенко. Он приостановился в проходе и незаметно кивнул инструктору в сторону подозрительного старика.

Милиционер среагировал мгновенно, остановился возле пассажира, перекрывая ему пути к выходу, козырнул:

– Добрый день, гражданин, можно ваши документы?

– А что такое? Что случилось? – Тут же взволновалась тучная женщина с соседнего ряда.

– Ничего. Все в порядке, – обернулся Панасенко, пытаясь успокоить ее.

И только Чикатило не остановился. Он шел, не замечая ничего вокруг, пока не прошел вагон насквозь. Толкнул двери, вышел в тамбур. Остановился, только теперь заметив, что коллеги остались в вагоне.

² Строка из песни «Надежда», наиболее известной в исполнении Анны Герман. (Прим. ред.)

Двери тамбура сомкнулись, оградив Чикатило от инструктора, Панасенко, женщины с девочкой, старика с матерчатой сумкой, взбалмошной тетки. Звуки вагона отрезало, слышен был лишь стук колес. Происходящее в вагоне напоминало пантомиму.

Вот старик достал из внутреннего кармана бережно обернутый бумагой паспорт. Передал инструктору. Вот инструктор посмотрел в документы, перелистнул страницу, спросил что-то. Вот Панасенко попытался успокоить переволновавшуюся даму.

Звуков не было, лишь стучала кровь в висках и вторили ей колеса на стыках. Дудух-дудух, дудух-дудух...

Чикатило уперся лбом в грязное стекло двери.

«Милицию, народные дружины, комсомол – всех приказали задействовать, чтобы под каждым кустом на него засада была», – прозвучал у него в голове голос инструктора.

«И долго так ловить собираются?»

«Пока не поймают».

Дудух-дудух, дудух-дудух, дудух-дудух...

Инструктор вернул старику документы. Что-то сказал. Но Чикатило слышал только стук колес и голоса в голове:

«И долго так ловить собираются?»

«Пока не поймают».

Инструктор взял под козырек, вместе с Панасенко направился к тамбуру.

Чикатило отлип от стекла и отступил к двери вагона.

Дудух-дудух, дудух-дудух, дудух-дудух – стучали колеса.

«Пока не поймают, пока не поймают, пока не поймают», – звучал им в такт, не унимаясь, голос инструктора в голове.

Чикатило прислонился спиной к стене, запрокинул голову и закрыл глаза. Разъехались с характерным звуком двери тамбура.

– Романыч, ты чего? С сердцем плохо? – прозвучал совсем рядом голос инструктора. Живой, настоящий, здесь и сейчас.

Чикатило открыл глаза. Перед ним стояли инструктор и Панасенко.

– Нормально все, – криво улыбнулся он.

1992 год

Отчего-то именно эта сцена вспомнилась ему в зале суда.

– Подсудимый, повторяю вопрос.

– Я не то чтобы «мог сдерживаться»... – отозвался Чикатило, отгоняя воспоминания. – Я знал, что занимаюсь презренным делом, давал себе клятвы, что больше не буду...

– Вы знали, что вас разыскивают?

– Да, знал, что ищут. Разыскивали, следственные органы осуществляли сплошное физическое покрытие. Я же в народной дружине состоял. Мы дежурили на вокзалах, в парках, электричках. В общем, прикрывали все места, возле которых находили трупы, все подходы и отходы.

Чикатило ухмыльнулся и снова позволил нахлынуть воспоминаниям.

* * *

Чикатило и Панасенко стояли на полупустой пригородной платформе. В стороне, у щита с расписанием, сидела немолодая женщина, торгующая семечками. С ней о чем-то разговаривал инструктор.

Панасенко посмотрел на просвечивающее сквозь пелену облаков солнце, улыбнулся и зажмурился.

– Красота! Сейчас бы на речку, а мы по электричкам шатаемся.

Вдалеке раздался мерный рокот. Он нарастал, приближаясь, и люди на платформе запрокинули головы в поисках источника звука.

Вертолет вынырнул из-за деревьев, прошел над платформой и скрылся. Панасенко, прикрыв ладонью, словно козырьком, глаза от солнца, проводил его взглядом.

– Пожарный, что ли? Горит где опять?

– Не, вроде не пожарный, – покачал головой Чикатило.

К ним подошел инструктор с кульком семечек, сплевывая на ходу шелуху.

– Наш это, – сказал он, отсыпая Панасенко семечек.

– А чего он тут летает?

– А чего мы тут по электричкам ходим? Вот и он по той же причине.

Чикатило посмотрел туда, куда улетел вертолет, скривил губы.

– Романыч, семечки будешь? – спросил инструктор.

Чикатило посмотрел на него, продолжая ухмыляться, отрицательно покачал головой.

– Нет. Спасибо.

* * *

В Управлении внутренних дел Ростова шло очередное совещание. Участники группы по поимке потрошителя сидели как оплеванные – результата не было. Полковник Ковалев говорил сдержанно, но чувствовалось, что он на взводе:

– ...Таким образом, гражданин Калинин к нашим убийствам отношения не имеет.

Витвицкий задумчиво кивнул.

– И вся эта «Лесополоса» не дает никакого результата, – сказал Липягин. – Поставили на уши всю милицию, гоняемся за теньями, а преступник где-то ходит и над нами посмеивается.

– До недавнего времени, Эдуард Константинович, вы были уверены, что преступники у вас в камере сидят, – подал голос Витвицкий.

Горюнов красноречиво посмотрел на него, капитан отвел взгляд. Тогда Олег Николаевич повернулся к Липягину.

– Неправ ты, майор. Отрицательный результат – тоже результат. Просто из него нужно сделать правильные выводы.

– Это какие? – взъелся Липягин. – Что помимо преступника, которого мы не можем поймать, у нас теперь есть куча комсомольцев и прочих добровольных помощников, которые в казаков-разбойников не наигрались? И вместо того, чтобы ловить убийцу, мы теперь будем каждый божий день проводить задержания граждан, которые, как этот вот Калинин, порезались, пока рыбу чистили или винегрет крошили?

– Задержания мы, конечно, проводить будем, – не стал спорить Горюнов. – И, скорее всего, среди них будет немало ошибочных. Но твое заключение неверно. При таком внимании со стороны органов преступнику будет затруднительно совершить убийство и не попасться – вот верное заключение.

Ковалев, внимательно слушавший их, нахмурился.

– При таком внимании преступник может затаиться, лечь на дно, переждать, – сказал он.

– Долго переждать он не сможет, – возразил Витвицкий.

– Чего это вдруг? – не понял Липягин.

– Не вдруг. – Виталий упрямо наклонил голову. – Частота убийств растет. Это значит, он вошел во вкус. Не может сдерживаться. Значит, рано или поздно проявит себя.

– Отлично! – усмехнулся Ковалев. – Только долго направлять все силы милиции области на поимку одного человека мы тоже не сможем.

– Ошибаетесь, товарищ полковник, – не согласился Горюнов. – Дело «Лесополоса» поставлено на контроль во всех вышестоящих инстанциях, в том числе в ЦК КПСС. И как сказал генеральный прокурор: «В стране нет дела более важного, чем “Лесополоса”». И коль скоро руководство операцией возложено на меня, давайте работать.

Горюнов поднялся из-за стола, направился к двери. Следом потянулись остальные. Только Ковалев остался сидеть на своем месте, постукивая ручкой по столешнице.

Последним шел Липягин.

– Эдик, – окликнул Ковалев. – Задержись.

Липягин прикрыл дверь, вернулся к столу. Ковалев кивнул на место Горюнова.

– Что думаешь?

– Новая метла метет по-старому, – пожал плечами Липягин.

– Заговорил по-другому. Силу почувствовал, сука!

– Это на совещании, – махнул рукой Липягин. – Может, тебе с ним наедине поговорить, а, Семеныч? По-свойски. Он вроде попроще Кесаева будет. Хороший повод с московскими замирииться.

– Так он ври³. Чего мне с ним договариваться, если завтра из Москвы какого-нибудь нового Кесаева пришлют?

– Может, пришлют, а может, и не пришлют. Нет ничего более постоянного, чем временное, сам знаешь.

– Блядь, – с досадой в голосе выругался Ковалев, – скорей бы уже все это закончилось...

* * *

Горюнов сидел над материалами дела, когда в дверь осторожно постучали. Тут же, не дожидаясь ответа, вошел Ковалев. Горюнов как бы невзначай перевернул документы на столе текстом вниз и с радушной улыбкой поднялся из-за стола.

– Александр Семенович, чем обязан?

Ковалев оценивающе посмотрел на Горюнова, усмехнулся.

– Да вот, Олег Николаевич, хотел с вами о делах наших скорбных покалякать.

– Так вроде рабочий день закончился, – нахмурился Горюнов.

– А я, так сказать, в неформальной обстановке.

Ковалев достал бутылку коньяка, поставил на стол перед Горюновым.

– Вы как на это смотрите, Олег Николаевич?

Ковалев улыбнулся, но улыбка была натянутой.

Горюнов улыбнулся в ответ, сел за стол, выдвинул ящик стола, достал оттуда два стакана и несколько ирисок «Золотой ключик». Поставил стаканы на стол, жестом пригласил полковника сесть.

Ковалев уселся, открыл бутылку, разлил коньяк.

– Я буду откровенно говорить, без всяких там экивоков, – сказал он и взял стакан с янтарным напитком. – С Тимуром Руслановичем у нас отношения не очень задались. Сложный он человек... – Ковалев замолчал, посмотрел на Горюнова и добавил: – Нет, не плохой. Но сложный.

– Да вы не бойтесь, Александр Семенович. Кесаев, прямо скажем, человек себе на уме, – улыбнулся Горюнов.

– Что ж вы с ним тогда единым фронтом?.. – спросил Ковалев.

³ Временно исполняющий обязанности. (Прим. ред.)

Горюнов взял стакан.

– А как иначе? Офицер предполагает, а начальство располагает. Мы же все люди подневольные.

Горюнов отсалютовал Ковалеву стаканом, выпил залпом.

* * *

Пили не спеша, но первая бутылка все равно быстро закончилась. Горюнов сходил за второй. Говорили о разном, вспоминали общих знакомых, травили анекдоты, но к делу потрошителя не возвращались, словно сговорившись.

За окном стало совсем темно. Ковалев сидел напротив Горюнова в расстегнутом кителе, вертел в руках ручку. Неожиданно, без прелюдий он перешел к тому, зачем, собственно, пришел:

– Столько времени впустую. Давно бы уже дело закрыли. И с дураками этими...

– А с дураками-то Кесаев по итогу оказался прав, – вернул Горюнов.

– Прав, – с досадой кивнул Ковалев. – Но все равно... Нет, с Кесаевым каши не сваришь. Слишком правильный. Не бывает таких правильных. И главное – устроил всю эту «Лесополосу» и в кусты...

Он искоса посмотрел на Горюнова:

– Слушай, а чего его убрали?

Горюнов пожал плечами.

– Вот. А нам теперь с этой «Лесополосой» разгребаться. Ее же не отменяют, как думаешь?

Горюнов нетрезво помотал головой.

– Не, не отменяют.

– Вот я и говорю – подстава. А с тобой – другое дело. Ты живой человек, майор. С тобой разгребемся.

– Я вижу основу для долгой плодотворной работы, – щелкнув по бутылке ногтем, засмеялся Горюнов.

Ковалев поднял стакан.

– Золотые слова. Давай. На ход ноги.

Они чокнулись, Ковалев выпил, поднялся из-за стола. Горюнов проводил его до двери. Видно было, что он сильно пьян.

В дверях Ковалев обернулся.

– Спасибо за откровенный разговор, майор. Рад, что мы друг друга поняли.

Ковалев вышел, Горюнов закрыл за ним дверь, повернулся: от опьянения его не осталось и следа. Он вернулся за стол, убрал стаканы, сунул пустую бутылку в корзину для бумаг, к уже лежащей там, и достал документы. Если бы кто-то сейчас зашел в кабинет, ему бы и в голову не пришло, что Олег Николаевич только что крепко выпивал и вел нетрезвые разговоры.

Спокойный, сосредоточенный майор Горюнов читал материалы дела потрошителя.

* * *

Стемнело. Дежурство закончилось. Усталые Чикатило, Панасенко и инструктор подошли к платформе пригородной электрички.

– Ох... Всё! Умотался я, – прохрипел милиционер. – Спасибо за работу, товарищи. До следующего дежурства.

Он по очереди пожал руки Чикатило и Панасенко, повернулся и, прихрамывая, пошел через пути на противоположную платформу.

Дружинники поднялись на перрон, снимая на ходу повязки. На скамейке у кассы сидели девушка помятого вида, сродни тем, каких обычно уводил в лесополосы Чикатило, и мужик в темных очках. Между ними стояли два стаканчика, лежали порезанное на дольки яблоко и раскладной нож. У мужика из кармана выглядывало горлышко бутылки. Оба были уже подшофе, болтали, девушка смеялась.

Мужик, не вынимая бутылку из кармана, налил в стаканчики, склонился к девушке, что-то вульгарно нашептывая ей в ухо. Она засмеялась громче, расплескивая вино.

Чикатило на ходу зацепился взглядом за нож, лежащий на скамейке, облизнул губы, полез за платком. Панасенко остановился, Чикатило натолкнулся на него, тоже встал.

– Ну что, товарищ Романыч, пост сдал – пост принял? – спросил Панасенко и тут же предложил: – Может, по пивку?

Чикатило украдкой снова кинул взгляд на мужика и девушку на скамейке.

– Не, мне домой надо, – тихо сказал он.

– Скучный ты человек, Романыч, – вздохнул Панасенко. – Вот как с тебя пример брать, если ты такая зануда? Это ж от тоски сдохнешь.

Чикатило хотел что-то ответить, но внезапно заметил, что мужчины и девушки на скамейке уже не было, только валялась пустая бутылка и недоеденное яблоко.

Чикатило осмотрелся. Мужик и девушка ушли в конец платформы. Он поспешно развернулся, намереваясь идти за ними.

– Романыч, ты куда? Тебе ж домой надо, – окликнул его Панасенко.

Чикатило отмахнулся, пробормотал под нос:

– Я забыл здесь... Мне надо...

Он быстро пошел по платформе следом за мужиком и девушкой, едва не переходя на бег. Панасенко только плечами пожал и направился в противоположную сторону, к остановке автобуса, возле которой расположился пивной ларек.

Мужик и девушка между тем спустились с платформы и направились к лесополосе. Рука мужика как бы невзначай съехала ниже талии девушки. Та, хихикая, небрежно откинула руку.

Чикатило спустился с платформы, остановился на секунду-другую и поглядел им вслед с видом шахматиста, который разыграл в голове партию, заранее предчувствуя результат и уже зная, что победит.

* * *

На противоположной платформе, у щита с расписанием электричек, коротал время инструктор. Чикатило буквально бегом приблизился к нему, остановился, переводя дыхание. Он выглядел взволнованным и напуганным.

– Ты чего вернулся, Романыч? – удивился милиционер.

– Там... – Чикатило махнул в сторону лесополосы. – Там мужчина подозрительный... В очках... Девушку к лесополосе повел... И еще нож у него...

Инструктор сделался серьезным.

– А ну-ка, пойдём!

Они быстрым шагом двинулись через пути в ту сторону, куда указал Чикатило. Далеко впереди маячили две фигуры – мужская и женская. Инструктор оглянулся. Андрей Романович, запыхавшись, едва поспевал следом и держался за сердце. Увидев, что инструктор притормозил, он вовсе остановился, уперся ладонями в колени и замер, согнувшись и тяжело дыша.

– Вот что, Романыч, – принял решение милиционер, – ты передохни. Дальше я сам. А ты телефон найди, наряд вызови. Хорошо?

– Хорошо... – кивнул Чикатило.

Милиционер развернулся и поспешил за мужчиной и женщиной, скрывшимися в зарослях.

Чикатило выпрямился, перестал пыхтеть и задыхаться, с победной ухмылкой проводил милиционера взглядом. Пока все шло по его плану.

* * *

Милиционер почти нагнал парочку, до них оставалось шагов десять, как вдруг мужик резко свернул в кусты и потащил за собой девушку. Послышался испуганный вскрик.

Выхватив пистолет, милиционер пригнулся и ринулся в кусты, из которых раздавались звуки борьбы и треск веток. Проломившись через заросли, милиционер увидел, как мужик, прижав девушку к дереву и заломив ей руку, лезет свободной рукой под юбку.

Замерев на секунду, инструктор рявкнул:

– Руки вверх. Стрелять буду!

Мужик от неожиданности выпустил девушку, обернулся. Расстегнутые штаны съехали, обнажив волосатые ноги. Девушка опустилась на землю, размазывая по лицу слезы.

– Попался, сука! – сказал милиционер, наводя пистолет на мужика.

* * *

Той же ночью мимо кирпичной стены в промзоне соседнего с Ростовом городка Батайска шли двое – рослый парень в кожаной куртке и смазливая девушка. Они двигались по тропинке мимо гаражей, обходя заросшие бурьяном кучи строительного мусора.

Парень чуть задержался, нагнулся, подхватил что-то с земли. Девушка тоже остановилась, обернулась:

– Эй, скоро уже? – спросила она капризно.

Парень, держа руку за спиной, огляделся по сторонам.

Девушка смотрела на него недоуменно:

– Что, вот здесь? – спросила она и сделала движение, словно хочет уйти, но не успела даже сдвинуться с места.

Парень ударил ее поднятым с земли камнем в висок. Девушка упала. Отбросив камень, парень навалился на нее, задрал юбку, стянул трусы, начал рвать блузку, мять грудь. Девушка пришла в себя, не соображая еще, что происходит, слабо застонала. Парень расстегнул брюки, заелозил рукой внизу.

Теперь девушка все поняла. Она закричала, но жесткая ладонь закрыла ей рот. Парень насиловал девушку, не давая ей издать ни звука.

Наконец он убрал ладонь, зарычал и вцепился девушке в шею, до белизны стиснув пальцы. На ее лице отразился животный ужас, девушка судорожно ухватилась за руки насильника, захрипела, пытаясь высвободиться, но парень был сильнее, и вскоре она обмякла. Глаза ее закатились, девушка дернулась и замерла.

Парень удовлетворенно выдохнул, достал из кармана выкидной нож. Щелкнуло лезвие. Приметив золотые серьги в ушах убитой, парень резкими движениями вырвал их из мочек, стряхнул кровь и сунул серьги в карман. Затем, деловито оглянувшись, размахнулся и всадил нож в мертвое тело...

* * *

Чикатило ужинал после трудного дежурства, но уставшим он не выглядел. После всего увиденного на платформе электрички его охватило и не отпускало знакомое возбуждение. Он рассказывал жене про поиски потрошителя, а сам все косился на нож, лежащий на столе.

– Вся милиция области, мы – народные дружинники, комсомольские дружины – все ловят. Такая поставлена задача. Даже вертолеты в дело пошли.

Фаина забрала у Чикатило опустевшую тарелку.

– Значит, поймают наконец, – сказала она. – Скорей бы уже.

Чикатило вздрогнул, испуганно посмотрел на жену. Та не заметила этой перемены: повернувшись к столу спиной, она убрала грязную тарелку в раковину, налила чай, поставила перед Чикатило чашку и вазочку с печеньем. Чикатило глядел на Фаину застывшим взглядом. Фаина погладила его по руке.

– Ты чего? Кушай, чай пей.

Чикатило придвинул к себе чашку, взял из вазочки печенье, начал есть, неторопливо жуя.

– Поймают... – задумчиво произнес он.

– Давно пора, – подтвердила Фаина. – А то ж Юрку в школу отпускать страшно. Конечно, поймают. Раз уж даже с вертолетами ловят.

В дверях кухни появилась дочь Людмила.

– Мам, я... – начала она, но увидела отца, осеклась и изменилась в лице. – Я потом к тебе подойду.

Людмила вышла. Чикатило допил чай, поставил чашку на край стола.

– Наконец-то меня оценили, – невпопад сказал он.

Фаина нахмурилась, поняв фразу по-своему.

– Не трогай ее, Андрей. Ты-то что цепляешься? Ты же взрослый человек, понимать должен. Не оценивает она тебя. Это такой возраст. Пройдет время, ей стыдно будет, что так вела себя с отцом.

– Что? – не понял Чикатило, думая о своем.

– Мы же про Люду говорим?

– Конечно-конечно, – закивал Чикатило. – Я не цепляюсь. – Он улыбнулся и повторил. – Я не цепляюсь к ней, Фенечка.

* * *

Овсянникова проснулась рано. Осторожно встала, стараясь не разбудить Витвицкого. На тумбочке возле софы лежали его наручные часы и очки. Она постояла, с умилением глядя на любимого, осторожно и нежно провела пальцами по щеке.

От прикосновения Витвицкий проснулся, посмотрел на Овсянникову, улыбнулся.

– Ирина.

Вдруг он спохватился, схватил с тумбочки часы, шурясь, посмотрел на циферблат.

– Проспал... Черт!

Овсянникова тихонько засмеялась.

– Не волнуйся, успеваем. Вставай, завтрак на столе.

Витвицкий сел на кровати. Выглядел он смешно и даже нелепо: в майке, волосы растрепаны, близорукие глаза щурятся на свет. Но Ирина ощутила, как в груди разлилась теплота – это был ее мужчина, только ее. И больше ничей.

Спустя десять минут они сидели за столом. Витвицкий уже был в костюме, тщательно причесан. Он аккуратно мазал масло на хлеб, задумался и погрузился в себя. Овсянникова сидела напротив, пила кофе.

– Что планируешь сегодня делать? – спросила она.

Витвицкий встрепнулся, секунду смотрел непонимающе, потом нахмурился:

– Что начальство скажет.

– А Олег Николаевич молодец, – сказала Овсянникова, имея в виду Горюнова. – Зная ваши отношения, можно было предположить, что он мстить станет. Закроет тебя в архиве до конца расследования, а он...

– Лучше бы он меня в архиве закрыл. А то теперь замордует оперативными мероприятиями вместо расследования.

– Виталий, в оперативно-разыскных мероприятиях нет ничего плохого. Это часть нашей работы.

– Знаешь, я не для того потратил столько лет на науку, чтобы кататься в пригородных поездах, надеясь случайно поймать убийцу. Я психолог! – возмутился Витвицкий.

– Разве психологи в электричках не ездят? – улыбнулась Овсянникова.

– Да при чем здесь электрички... Это недальновидная кадровая политика и неэффективное использование человеческого ресурса, – с досадой сказал Витвицкий.

– Не знаю... Мне нравится. Это значительно интереснее, чем сидеть в архиве. – Ирина встала, взяла висящий на спинке стула китель, надела и принялась застегивать пуговицы. – В оперативных мероприятиях есть жизнь. А ковыряясь с бумажками, чувствуешь себя как в нафталине.

– Спасибо за нафталин, – буркнул Витвицкий.

Овсянникова подошла к Виталию сзади, обняла за плечи.

– Ну правда. И потом – в оперативной работе всегда есть поле для фантазии.

– Можно ползать в электричке по-пластунски, – не сдавался Витвицкий.

– Нет, можно, например, ловить преступника на живца, – Овсянникова улыбнулась. – Как думаешь, клюнет на меня убийца?

– Думаю, нет. Его отпугнут твои погоны, – Витвицкий тоже улыбнулся. – Все, Ирина, давай собираться. Пора.

* * *

У здания УВД их встретил Горюнов.

– Виталий Иннокентьевич! Очень кстати. Поехали.

– Куда? – не понял Витвицкий.

– Из Батайска звонили. Труп, изнасилование, глаза выколоты, – обрисовал ситуацию майор.

– Олег Николаевич, вы же говорили, что теперь убивать преступнику будет затруднительно, – съязвил Витвицкий.

– Слушай, Виталий Иннокентьевич, не умничай, а? Сейчас не время. Поехали.

И он сделал знак водителю стоявшей поодаль серой «Волги».

* * *

В Новочеркасском штабе народной дружины былолюдно. В коридорах толпились дружинники, кричал что-то матом пьяный хулиган, задержанный на автовокзале. Чикатило протиснулся через толпу, постучал в дверь с табличкой «Командир народной дружины» и прошел в кабинет:

– Вызывали?

– А, Андрей Романыч, – обрадовался командир, – заходи, садись. Ты у нас сегодня герой дня.

– А что случилось? – не понял Чикатило.

– Взяли мы твоего мужика. Ну вчерашнего. Он и в самом деле насильником оказался. Подцепил бабенку в электричке, подпоил, вызвался проводить до дома, а сам в кусты заволок и... как в том анекдоте: «Я сперва тоже подумал, что совокупляются, товарищ капитан, а пригляделся – нет, ебутся».

И он громко рассмеялся над собственной шуткой. Чикатило криво улыбнулся, не разделяя юмора. Спросил осторожно:

– И что теперь будет?

– А что будет? Бабенка протрезвела, поплакала, заявление накатала, – усмехнулся командир. – Этот покобенился, но, как заявление увидел, присмирел. Сейчас сидит, признательные строчит. Так что грамоту тебе выпишем или письмо благодарственное за помощь органам в борьбе с преступностью, прекрасные личные качества и высокий моральный облик, достойный советского человека.

– Да нет... Я про другое... Убийства же теперь прекратятся, ловить с вертолетами никого не надо?... А этого насильника судить будут?

Командир поглядел на Чикатило, улыбнулся еще шире:

– Ах, ты вон куда замахнулся... Светлая ты душа, Романыч. Разве ж это тот насильник?

– А разве не тот? – осторожно спросил Чикатило. – Не который убивает?

– Тот уникальный, а этот обыкновенный.

– Как это – обыкновенный?

– Ты что, думал кроме потрошителя никаких других насильников нет? – понизил голос командир. – Да их вокруг до хрена и больше. Было бы иначе, мы бы с тобой здесь не сидели. А работы у нас, к сожалению, много.

Чикатило с досадой посмотрел на командира.

– Но этот точно не тот?

Командир подался вперед и заговорил с тихой вкрадчивой доверительностью:

– Сегодня товарищ мой в Управлении был. Говорит, в Батайске новый труп нашли с выколотыми глазами.

– Как в Батайске?..

Чикатило снова изменился в лице, теперь он пребывал в растерянности.

– А чего здесь непонятного? – Голос командира стал жестче. – Говорю же, маньяков много. Так что грамоту мы тебе выпишем, но расслабляться рано.

– Не надо грамоту.

– Как это не надо? Скромничаешь? Заслужил – бери.

Чикатило поморщился, повторил:

– Не надо грамоту. У меня семья, дети... зачем?

– Как это зачем? Чтоб гордились. Батя не только на работе передовик, но и в борьбе с преступностью стране помогает.

– Если бы я жулика помог поймать. А тут... насильник... пьяный... противно... Не надо. Командир народной дружины хмыкнул.

– Ну как знаешь. Тогда просто поздравляю тебя с боевым крещением, так сказать.

Он крепко пожал руку Чикатило. Тот выдавил жалкую улыбку, распрощался и вышел.

* * *

Вечером Чикатило и Фаина устроились перед телевизором. Фаина вязала, а Андрей Романович просматривал газету. Он как раз дошел до раздела «Футбольные новости», когда вошла Людмила. В куртке, джинсах, с дорожной сумкой «СПОРТ» в руках.

– Мама, меня зачислили, – сказала она, глядя в сторону. – И я написала заявление на общежитие.

– Что?! Люда, куда... – Фаина опустила на колени вязание.

– Не надо, мама. С этим, – Людмила кивнула в сторону Чикатило, – я все равно в одной квартире жить больше не смогу. И не буду!

Чикатило отложил газету.

– Да, дочка... Спасибо! А что, правильно – вырастил, выкормил, давай теперь... Вранья наслушалась, об отца ноги вытерла и шагай по жизни, ать-два. В добрый путь!

Он усмехнулся, но не горько, а как-то зло и даже довольно.

– Андрей... Люда! Да что же это... – Фаина переводила взгляд с мужа на дочь – и обратно.

– Все, мама, пока. Я позвоню, как в общежитии устроюсь, – бросила Людмила и, резко повернувшись, практически выбежала из комнаты. Фаина сорвалась за нею. Послышался топот, голоса, щелкнул дверной замок, хлопнула дверь.

Чикатило взял газету и продолжил чтение. Вернулась расстроенная Фаина. У нее на глазах были слезы.

– Боже мой... И как-то все на бегу, не по-человечески... Почему ты так с ней?

– Выросла она, Фенечка, – пожал плечами Чикатило. – Все, отрезанный ломоть. У них в этом возрасте всегда самые близкие – самые плохие, сама же говорила. Смирись. Переключи на второй канал, кино сейчас будет.

Фаина вздохнула, подошла к телевизору, щелкнула ручкой переключения каналов. По ее щекам текли слезы.

1992 год

Чикатило сидел в клетке, погруженный в воспоминания, пустыми, мертвыми глазами смотрел на судью. По рядам прокатился ропот. Судья постучал ладонью по столу, призывая к порядку. Ропот в зале постепенно стих, судья обратился к Чикатило:

– Подсудимый Чикатило, повторяю вопрос. В материалах дела значатся два убийства, вменяемые вам. Это убийство Л. П. Воловахи в Мясниковском районе Ростовской области и убийство И. Н. Гореловой в Батайске. Оба убийства совершены в восемьдесят шестом году.

– Я уже говорил, в восемьдесят шестом году я никого не убивал. Не нужно было. Это не я. Насильников вокруг много, – монотонно сказал Чикатило и обвел взглядом зал, будто бы ища среди людей в зале насильников.

Снова стало шумно.

– И в Батайске я никого не убивал, – добавил Чикатило. – Почему вы решили, что я вообще был в Батайске?

– Вы же меняли места убийства? – спросил судья.

– Я их не выбирал, нет... Были случаи, по пять километров ходил в лесу, вместе шли и шли, а потом задержало, затрясло.

– Вы вели с собой жертвы, чтобы совершать убийства? – уточнил судья.

Чикатило отвел взгляд, начал говорить еще тише:

– Ну получалось так, убивал. Я думал, уже так выработалось у меня, с целью физической разрядки... С этой целью уводил, а то что убивать, я так не формулировал, нет. Просто как вижу одинокого человека, так уже должен увести его в лес.

– Что было для вас критерием выбора жертв? Возраст? Внешность?

– Я никакого значения не придавал... – повел плечами Чикатило.

– Если не выбирали, то чем объяснить, что, когда вас так «затрясло», вы ни разу не напали на мужчину, на пятидесятилетнюю женщину? Более того, почти все женщины, которых вы уводили, были либо опустившиеся, бродяжки, либо с психическими отклонениями. Значит, был выбор?

– Значит, да, получается... – Чикатило помотал головой. – Которые шли со мной...

– Вы искали их?

– Нет, я жертв не искал, без дела ходил, как затравленный волк...

Чикатило поднял глаза, посмотрел на судью с тоской и отвернулся. По залу снова прокатилась волна шума, кто-то грубо выругался.

– Тишина в зале, – призвал к порядку судья.

Часть II

Это случилось в Батайске в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году.

Костя Черемушкин, рослый парень с красивым, холеным, но несколько одутловатым лицом, небрежно развалившись за рулем «Жигулей», ехал по центральной улице Батайска. Машина была под стать хозяину: вся в наклейках, катафотах, из открытого окна звучала музыка.

Лениво скользя взглядом по прохожим, Черемушкин неожиданно притормозил, подался вперед, жадно рассматривая стройную девушку в модном прикиде, танцующей походкой шедшую по тротуару. Быстро сняв с пальца обручальное кольцо, Костя свернул и догнал девушку.

Она, краем глаза заметив машину, бросила быстрый взгляд на водителя, но тут же отвернулась и стала подчеркнуто старательно смотреть куда угодно, но только не на Черемушкина, делая вид, что он ей безразличен.

Костя опустил водительское стекло, сделал музыку тише и небрежно бросил:

– Привет, красивая!

Девушка улыбнулась краешками губ, ей было приятно, что на нее обратил внимание такой «упакованный» парень.

– Тебе уже говорили, что ты похожа на Мадонну? – спросил Костя.

Затем он фальшиво запел:

Some boys kiss me,
Some boys hug me

I think they're O.K.
If they don't give me proper credit
I just walk away⁴.

– А вы вот, к сожалению, даже на Леонтьева не похожи, – дерзко ответила девушка.

– А чего ты мне выкаешь? – засмеялся Костя. – Мы же договорились на ты.

– Когда это мы договорились? – девушка тоже засмеялась.

Это был легкий флирт, в котором и он, и она чувствовали себя как рыбы в воде.

– Сегодня ночью, – сказал Костя. – Ты мне снилась до утра.

Девушка остановилась, разглядывая Черемушкина и про себя решая: дать шанс этому веселому парню или нет.

Костя нажал на педаль тормоза.

– Как зовут? – спросил он.

– Вчера еще Аллой была.

– А я Костей, – он кивнул на сиденье рядом с собой. – Запрыгивай. Довезу, куда скажешь, у меня сегодня выходной.

Алла секунду колебалась, потом сделала «последнюю проверку»:

– А курить у тебя в машине можно?

– О боги! Она еще и курит! – расхохотался Костя. – Запрыгивай, говорю. У меня все можно, красивая! Любой каприз – за ваши деньги.

– Какие деньги?! – притворно возмутилась Алла.

– Да шучу! Присказка такая, – махнул рукой Костя. – Гусары с дам денег не берут.

⁴ Первый куплет из песни Мадонны *Material girl*. – Прим. ред.

Алла, тряхнув прической, обогнула машину и уселась на пассажирское сиденье. Черемушкин галантным жестом протянул ей пачку «Мальборо», дал прикурить. Алла затянулась, выпустила дым, засмеялась. Машина сорвалась с места и унеслась вдаль. Вслед ей неодобрительно смотрел старик, случайно ставший свидетелем этого знакомства.

* * *

Голые Черемушкин и Алла лежали в постели. Рядом на столике пестрели этикетками с иностранными словами бутылки, стояли недопитые бокалы, пепельница с окурками, лежали сигареты, зажигалка.

Они уже несколько часов делали то, что оба любили и умели: выпивали и занимались любовью. Очередное «сплетенье ног, сплетенье рук» только что закончилось, оба тяжело дышали, и по лицу Аллы гуляла довольная улыбка. Костя взял сигарету, прикурил, выпустил тугую струю дыма.

– Я тебя, красивая, сразу засек.

– Да лан тебе... – хрипло засмеялась Алла. – Сразу!

– Бля буду. Подумал еще: «Вон какая девчуля идет. Точно моя будет!»

Алла забрала у Черемушкина сигарету, затянулась, выпустила дым тонкой струйкой.

– Ага, прям вот «точно». Если бы не блейзер твой фирмовый... И не тачка...

– То есть ты со мной только из-за тачки? – неожиданно нахмурился Костя и вынул сигарету из тонких пальцев девушки.

– Да лан, не скрипи. Тачка – это так... Приятное дополнение, – Алла снова улыбнулась. – Ты вообще весь... В порядке. Упакованный.

Черемушкин удовлетворенно улыбнулся, затушил окурочек в пепельнице.

– Есть такое дело. И, главное, запомни, красивая, – я отказов не терплю. Никогда!

Алла заинтересованно приподнялась на локте, так что качнулась налитая грудь, посмотрела на Черемушкина.

– Ой-ё-ё-й! Отказов он не терпит, поглядите-ка! А если б я тебя отшила? Ну тогда на улице. Сказала бы: «Чао, мальчик! Проезжай на хуй – это в ту сторону». Что бы ты сделал?

Черемушкин изменился в лице, несколько секунд словно бы сдерживался, потом вдруг бросился на Аллу, завалил ее на постель, сжал руками горло. Приблизив искаженное злобой лицо к лицу девушки, Черемушкин процедил сквозь зубы:

– Что бы я сделал? Затащил бы в машину, увез за гаражи на промзоне, выебал бы повсякому и на лоскуты пустил. Поняла, сучка злая?!

– Задушишь... – прохрипела Алла. – Пусти!

Черемушкин разжал пальцы, откинулся на подушку, тяжело дыша. Алла смотрела на него со страхом, на глазах блеснули слезы.

– Ты что, ебанулся?! – выкрикнула она, наконец потирая шею.

– Прости, красивая... – тихо сказал Костя.

Алла, чуть успокоившись, села на кровати, взяла лифчик, начала одеваться. Натянув юбку, подхватила туфли и вдруг сказала:

– Да не убил бы ты. Побоялся. Найдут же.

– Ростовского потрошину сколько лет ищут? – отозвался Костя. – Я бы под него обставился – глазки там выколол, титьки отрезал, – и хрен бы меня кто нашел. Я отказов не терплю и получаю все, что хочу, запомнила?

Алла замерла, скосила глаза и увидела улыбку на лице Черемушкина. Она снова испугалась, на сей раз этой странной улыбки, но теперь скрыла испуг, шагнула к двери.

– Мне пора.

– Завтра заеду, – сказал Костя, садясь на кровати.

– Не получится, – покачала головой Алла. – Я завтра к тетке на неделю. В Краснодар.
– Да и хрен с тобой. Сама прибежишь, – пробормотал Черемушкин и потянулся за джинсами.

Алла замерла в дверях:

– Ну пока?

– Дверь захлопни! – отозвался Костя, застегивая ремень.

И Алла вышла, а мысль в голове у Черемушкина осталась. Застряла надолго, пока не укоренилась и не воплотилась спустя год...

1992 год

После очередного заседания суда Чикатило был очень напуган и взволнован. Когда его вернули в камеру, он сел за откидной столик и заметил, что у него трясутся руки. Сунув их под стол, Чикатило посидел так некоторое время, поднял глаза к потолку, на лампочку, убранную в решетчатый колпак. Внезапно ему показалось, что с потолка вместо лампочки свисает петля.

Чикатило вскочил, сделал четыре шага к двери, считая вслух, чтобы отвлечься и успокоиться.

– Раз. Два. Три. Четыре...

Он остановился у двери, повернулся, пошел обратно.

– Раз. Два. Три. Четыре...

Дошел до стола, поднял голову, посмотрел на лампочку. Петля исчезла. Проведя рукой по лицу, Чикатило взял с заправленной койки кроссворд, огрызок карандаша, сел к столу и начал разгадывать, чтобы отвлечься.

– Двенадцать по вертикали. «Советский мотоцикл и название реки», четыре буквы, последняя «л». «Урал», – бормотал себе под нос Чикатило, вписывая слово в клеточки. – Семь по горизонтали. Французский писатель, автор рассказов «Пышка» и «Милый друг», восемь букв, вторая «о». Это будет Мопассан. Так...

Постепенно он успокоился, сел поудобнее и увлеченно разгадывал кроссворд.

– Двадцать один по вертикали. Орудие смертной казни в виде двух столбов с перекладиной или столба в виде буквы «Г», восемь букв...

Карандаш замер в пальцах Чикатило. Его снова начало трясти. Он бросил быстрый взгляд на лампочку – петли не было.

– Виселица, – прошептал Чикатило и проверил по клеточкам. – Подходит... Двадцать девять по горизонтали. Психическое заболевание, «расщепление личности», десять букв...

Внезапно, отбросив кроссворд и огрызок карандаша, Чикатило вскочил, попятился к стене, уперся в нее спиной и закрыл глаза.

– Шизофрения... Десять букв, – прошептал он.

* * *

Мертвая девушка лежала у кирпичной гаражной стены, в кустах среди мусора на заросшей чахлой травой земле. В стороне у дороги стояло несколько милицейских машин, «Скорая помощь». Впрочем, последняя была уже не нужна.

Возле трупа хлопотали эксперты, щелкала вспышка фотоаппарата. Тело было нещадно изрезано ножом, глаза выколоты. Поодаль, чтобы не мешать работе экспертов, стояли с мрачными лицами Витвицкий и Овсянникова. Рядом курили Липягин и Горюнов. В Батайск их вызвали, потому что манера убийства была как две капли похожа на то, что совершал Ростовский потрошитель.

Подошел эксперт. Липягин откинул недокуренную сигарету:

– Ну что там, Николаич?

– Женщина, двадцать пять, плюс-минус год. Проникающие ножевые. Глаза выколоты, отрезаны грудь и наружные половые органы. Неподалеку от трупа найдены одежда и личные вещи, – отчитался эксперт.

– Опять... – выдохнул Горюнов вместе с дымом.

– Какая это уже по счету жертва, Ира? – уточнил Липягин у стоящей рядом Овсянниковой.

– За третий десяток перешло, – мрачно отозвалась та.

Витвицкий поморщился, но смолчал. Он стоял теперь чуть в стороне ото всех, будто отгородился, наблюдал, слушал, но в разговор не вступал.

– Слушайте, какая разница, какая по счету, – сердито осадил коллег Горюнов. – Мы должны сделать так, чтобы жертв больше не было...

– Ну слава богу, – голос Липягина прозвучал саркастично, – теперь-то мы, наконец, знаем, что должны сделать! А до этого, как кутята, тыкались...

– Товарищ майор! – вскинулся Горюнов. – Держите-ка себя в руках.

– Да не рычи... – Липягин быстро растерял всю свою саркастичность и полез в пачку за новой сигаретой. – Сам на нервах. Извини.

Горюнов понимающе кивнул. Липягин закурил, примирительно протянул майору мягкую пачку с надписью «Родопи», угощайся, мол.

Стоящий в стороне эксперт откашлялся, вновь обращая на себя внимание.

– Что-то еще? – обернулся Липягин.

– По предварительным данным, смерть наступила не от ножевых ранений, – заговорил эксперт.

– А от чего? – заинтересовалась Овсянникова.

– Сейчас я не могу сказать на все сто процентов, – чуть замялся эксперт, – нужно вскрытие, но мне кажется, что погибшая была задушена.

– То есть он ее задушил, а уже потом глумился над телом? – уточнил Горюнов, раскуривая липягинскую сигарету.

– Похоже на то, – кивнул эксперт. – Есть следы волочения от дороги, но кровь только на месте обнаружения трупа. И крови очень много.

– Он приехал на машине? – внезапно подал голос Витвицкий.

– Очень может быть, – снова кивнул эксперт. – Нужно более детально исследовать место преступления.

– Машина. За гаражами в промзоне... – задумчиво произнес капитан. – Это что-то новенькое...

– Нужно опросить все наряды, работающие на въездах и выездах, патрули на вокзале. Ориентировка и фоторобот у них есть, – Горюнов повернулся к Липягину. – Эдик, займись, пожалуйста.

– Займусь, отчего же не заняться, – усмехнулся Липягин на слегка панибратское обращение.

Витвицкий снова поморщился и отошел в сторону. На лице у него было явное несогласие. Овсянникова заметила это, посмотрела на капитана с удивлением. Подошла ближе, спросила тихо:

– Виталий? Что-то не так?

– Мне кажется... – Витвицкий замялся, разозлился на себя за эту заминку и выпалил быстро и сердито на одном дыхании: – Нет. Я практически уверен – это не он. Не наш убийца.

* * *

На совещании в кабинете начальника Ростовского УВД Витвицкий сидел с тем же недовольным выражением лица, поджав губы и нервно вертя в пальцах шариковую ручку.

– ... Жертва – Астафьева Валентина Павловна, одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года рождения, студентка Ростовского-на-Дону института сельскохозяйственного машиностроения, – монотонно читал с листа Липягин. – Последний раз ее видели на трассе Азов – Батайск сядущую в частный автомобиль, но ни номер, ни марку машины свидетельница в силу преклонного возраста указать не смогла.

– Значит, все же автомобиль... – задумчиво подметил Горюнов.

– Потрошитель напуган нашей активностью в электричках и на вокзалах? – предположила Овсянникова.

– Ира, давай версии потом! – оборвал Ковалев на правах начальства и повернулся к Липягину. – Продолжай.

– Известно, что в день исчезновения Астафьева отправлялась на день рождения к подруге. Была празднично одета, – продолжил майор. – После детального осмотра тела было установлено, что перед смертью девушка имела половое сношение в традиционной форме.

Липягин оторвался от протокола, отложил лист в сторону и посмотрел на Ковалева.

– Пока больше никаких свидетельских показаний или фактов нет.

– Разрешите мне? – Витвицкий решительно хлопнул рукой по столу.

Это настолько не походило на обычное поведение капитана, что Горюнов с Ковалевым переглянулись.

– Что вы хотели, Виталий Иннокентьевич? – поинтересовался майор.

Витвицкий поднялся из-за стола, как ученик на уроке, заговорил, волнуясь:

– Вы сказали, что она... потерпевшая... жертва, она ехала на день рождения. Была празднично одета. Так?

– Так, так. И что? – поторопил Липягин.

– Значит, на ней были украшения. Серьги, кольца, кулон... я не знаю... ожерелье, часики – что-то такое, – Витвицкий запнулся и оглядел присутствующих.

Офицеры смотрели с интересом.

– Я помню протокол осмотра тела, – буркнул Витвицкий под нос, смутившись от такого внимания. – Там не указано ни одного украшения.

Горюнов пристально смотрел на Витвицкого, словно бы прикидывая, насколько важны его слова. Липягин привычно усмехнулся. Ковалев повернулся к Овсянниковой:

– Ира, где протокол осмотра?

Овсянникова уже доставала документы из лежащей перед ней папки. Выудив нужную бумагу, она пробежала глазами по тексту, кивнула.

– Да, тут ничего нет об украшениях.

– А вы растете как оперативный работник, Виталий Иннокентьевич, – поддел Витвицкого Липягин.

– Нужно опросить свидетелей, домашних – в каком виде Астафьева ушла из дому, что на ней было, – Овсянникова не разделила настроение майора и вопросительно поглядела на Ковалева. – Я займусь.

– И машина, – напомнил Горюнов. – Нужно найти машину. Если потрошитель сел на колеса, он может появляться где угодно и когда угодно.

– Мы уже разослали в ГАИ и на посты рекомендации, – кивнул Ковалев. – Для ориентировки нужны приметы. Значит, работаем в этом направлении. Все свободны.

* * *

Из кабинета участники совещания выходили с разными чувствами. Витвицкий, не глядя по сторонам, протопал вперед. Овсянникова задержалась и нашла Виталия уже в вестибюле. Капитан стоял у окна и задумчиво смотрел не то внутрь себя, не то на березу, шуршащую под окном листвой.

Овсянникова подошла ближе.

– Ну что, домой?

– Ирина, это не он, – невпопад ответил Витвицкий, проигнорировав вопрос.

– В смысле? – не поняла девушка.

Витвицкий повернулся от окна и посмотрел ей прямо в глаза:

– Я уже говорил. Это не он, понимаешь? Убийца из Батайска – другой. Я уверен, но мне нужно кое-что проверить. Ты могла бы...

Он замялся, опустил взгляд, не зная, как сказать, как попросить о таком.

– Что? – с тревогой спросила Ирина.

– Ты могла бы поехать со мной в морг? – выпалил капитан на одном дыхании и снова посмотрел в глаза Овсянниковой, теперь уже просительно.

* * *

Черемушкин топил на полную. «Жигули» неслись по трассе, ветер врывается в салон через окно. Косте нравилось разгонять машину до бешеных скоростей. Было в этом что-то пьянящее. Как там в школе на литературе: «Какой русский не любит быстрой езды!» Кто это сказал?⁵

Впереди показалась автобусная остановка, на остановке стояло несколько человек. Черемушкин сбросил скорость, подъехал ближе и притормозил, разглядывая ожидающих автобуса пассажиров: пару пожилых женщин с сумками, мужика и красивую девушку с длинными волосами. Тетки и мужик были ему совершенно безынтересны, а вот девушка... Он смотрел на нее оценивающе, но, видимо, слишком долго, так как пожилые женщины заметили это и принялись о чем-то шутиться.

Лишнее внимание было совершенно не нужно Черемушкину, и он надавил на газ. Но долго ехать не пришлось. Ему повезло, и очень скоро. У поворота на проселочную дорогу голосовала молодая женщина. Она была одета простовато, платок на голове, с чемоданчиком да и выглядела не так привлекательно, как длинноволосая девчонка на остановке, но главное заключалось в том, что она была одна. Мимо проехал грузовик, пара легковых машин – никто даже не затормозил, что тоже играло Черемушкину на руку.

Он сбросил скорость, посмотрел в зеркало заднего вида, окинув взглядом пустынную дорогу, и снова оценивающе посмотрел на женщину. Она нравилась ему куда меньше той, на остановке. Но лучше синица в руках, чем журавль в облаках, решил он для себя и остановился, проехав, правда, вперед метров пять или шесть.

Женщина подхватила чемоданчик и, обрадованно сорвавшись с места, побежала к «Жигулям». Посмотрела через приспущенное стекло на молодого интересного парня за рулем.

– В город? – спросил Черемушкин.

– Да. Подвезете?

– Садись, – кивнул Костя на пассажирское сиденье.

⁵ Это сказал Н. В. Гоголь. (Прим. ред.)

– А сколько возьмете? – спохватилась она.

– Договоримся.

Женщину не пришлось упрашивать. Обойдя кругом машину, она села рядом с водителем, пристроив чемоданчик в ногах, хлопнула дверцей и посмотрела на Черемушкина. Тот улыбнулся и тронулся.

«Жигули» неспешно скатились с обочины и спокойно покатали по трассе. Торопиться теперь было некуда.

– Как звать-то? – прервал затянувшееся молчание Черемушкин.

– Вера, – ответила женщина и, чуть смутившись, поправилась: – Вера Ильинична.

– Верка, значит, – фамильярно рассмеялся Черемушкин. – Доярка, поди?

Фривольный тон обидел Веру, как и предположение молодого водителя о ее профессии.

– Я в бухгалтерии работаю, в совхозе!

– А чего одета как на похороны? – поинтересовался парень настолько по-свойски, что она тут же простила ему обиду.

В самом деле, чего озлилась? Человек ей услугу оказывает. Да и одета она действительно как колхозница.

– Так это дорожная, – поспешила объяснить Вера. – Хорошую-то одежду чего зря трепать, я ее в городе поношу...

Вера развязала платок, поправила волосы. В ушах блеснули золотые сережки. Парень посмотрел на нее как-то по-новому. Ничего, пусть смотрит, а то «доярка»!

* * *

Километров через десять машина съехала с дороги на проселок, потрясаясь немного по ухабинам, заехала в лесочек и остановилась. Черемушкин выключил зажигание и откинулся на спинку. Вера посмотрела на него с некоторой тревогой.

– Мы не туда заехали.

– Вы не туда, а мы – туда! – рассмеялся Черемушкин. – Не бойсь. Это быстро.

Он смотрел на нее с ухмылкой, будто ждал чего-то.

– Чего сидишь-то? Надо тебе – иди, – не выдержала Вера. – Вон кустов сколько.

– Мне другое надо, – ухмылка на лице парня стала шире.

Он запустил руку под сиденье, пошарил и выудил бутылку водки. Сорвав фольгу «бескозырки», протянул женщине:

– Выпить хочешь?

И в этот момент до Веры запоздало дошло, куда они заехали и что нужно этому смешливому парню. Она встрепенулась, дернула ручку двери, готовая выйти из машины, но парень грубо навалился на нее, растеряв всю веселость, защелкнул стопор на двери и прижал Веру к сиденью.

– Ну-ну, не дергайся. Я ж сразу увидел, какая ты... гладкая да сладкая!

Его показавшаяся огромной лапища рванула пуговицы на груди, нырнула под одежду, оттягивая лифчик. Вера попыталась отстраниться, вырваться. Но парень оказался тяжелым, навалился всем весом, прижимал крепко, а его потная рука яростно тискала грудь.

– Пусти! – закричала она. – Руки убери!

Но он не остановился, не испугался. Напротив, ее крик, кажется, только раззадорил его.

– Помогите! Помо...

Черемушкин зажал ей рот, оборвав вопль:

– Молчи, сука!

* * *

Витвицкого потряхивало – то ли оттого, что в помещении морга было холодно, то ли от обилия укрытых простынями трупов, лежащих под синими антибактериальными лампами, то ли от всего вместе. Немолодой патологоанатом, который на правах хозяина шел впереди, остановился и посмотрел на Овсянникову:

– Астафьева третья слева. Но вы по бирке проверьте на всякий случай.

Ирина кивнула, шагнула к обозначенному телу и с невероятной, на взгляд Витвицкого, смелостью повернула привязанную к ноге бирку.

– Да, она, – подтвердила Ирина и повернулась к капитану. – Что ты хотел посмотреть?

Витвицкий медленно подошел к прикрытому телу, в нерешительности посмотрел на простыню, затем на Ирину. Ему бы сейчас не помешала хотя бы половина ее смелости.

– Я точно не знаю, но... – он запнулся. – Когда человек долго носит украшения... Кольцо или серьги. Должны же остаться следы?

Овсянникова понимающе кивнула, решительным движением откинула простыню, достала из сумочки фонарик и принялась осматривать покрытую запекшейся кровью голову трупа. Витвицкий отступил чуть в сторону, вроде как чтобы не мешать, и стоял теперь, давя тошноту и стараясь особо не вглядываться в то, что лежит на столе.

– Виталий, вот, посмотри, – позвала Ирина.

Взяв себя в руки и подавив отвращение, капитан сделал шаг к телу, наклонился, глядя на покрытую запекшейся кровью мочку уха, которую подсвечивала фонариком Овсянникова.

– Видишь? – спросила Ирина.

– Что это? – он смотрел на нее, лишь бы только не смотреть на труп.

– Ты был прав. У нее сережки из ушей... вырваны.

* * *

Черемушкин выбрался из машины, на ходу застегивая штаны. Место было безлюдным, и он не боялся, что его заметят.

Обойдя «Жигули», он открыл пассажирскую дверцу и за ноги потянул на себя мертвое тело Веры. Вытаскивать труп из машины было неудобно. Он дернул ее раз, другой, сильнее. Не рассчитал рывок: тело поддалось, только с неприятным звуком треснулось головой о порожек. Впрочем, Вере было уже все равно, а его волновало только, чтобы в салоне не осталось следов.

Оставив тело, Черемушкин осмотрел порог, но крови не было. Не особенно церемонясь, он снова взял труп за ноги и потащил к кустам. Столкнул его в канаву и вернулся к машине. Сейчас его более всего интересовало имущество этой доярки.

Черемушкин вытащил из салона чемоданчик, положил его на капот, шелкнул запорами. Внутри он обнаружил кучу бесполезного бабьего тряпья, туалетные принадлежности, какую-то книжку. Надо же, какие доярки образованные пошли. Среди белья нашлись женские безделушки, может – бижутерия, а может, и золотишко.

Он поспешно сунул цапки в карман: разобраться с этим можно и потом. Закрыв чемоданчик, широко размахнулся и зашвырнул его подальше в кусты. Затем достал нож и пошел обратно к телу. Осталось одно не самое сложное, но не самое приятное дело: порезать бабу на лоскуты и выковырять ей глаза, чтобы труп выглядел точно как у потрошилы. И чтобы ни один мент не догадался, что эту телку мог убить кто-то, кроме неуловимого маньяка.

* * *

Чикатило отпер дверь квартиры и шагнул через порог. Он вернулся после очередного дежурства в народной дружине, и дежурство это прошло спокойно, без новостей о том, что еще придумали милиционеры, чтобы его поймать.

Андрей Романович вошел в прихожую, запер дверь, бросил ключи на полочку у зеркала и прислушался. В доме царила нездоровая тишина.

– Фенечка, я пришел! – сказал он довольно громко, но ответа не последовало.

Чикатило повесил плащ на вешалку, скинул ботинки, влез в мягкие тапочки и пошел по коридору в сторону кухни.

– Есть кто дома? – позвал он снова.

На кухне было темно. Чикатило щелкнул выключателем и едва не вздрогнул от неожиданности. За столом сидела Фаина с печальным лицом и отсутствующим взглядом.

– Фу-у-х, напугала... – выдохнул Чикатило.

Фаина посмотрела на него так, словно вернулась из забытья.

– Фенечка, что случилось? – забеспокоился Чикатило. – Ты зачем... без света?

– Задумалась... – тихо произнесла она.

– Что-то случилось? – Чикатило сел напротив, пытаясь заглянуть жене в глаза. Фаина встала и пошла к плите. Привычными движениями зажгла газ, поставила чай-ник.

– Снова женщину убили, – пробормотала она, не оборачиваясь. – На Восточном шоссе, в леске у дороги. Тетю Галю помнишь из Батайска?

Чикатило кивнул.

– Сноха ее. Верка. Тридцать два года. Детишек у нее было трое. Изнасиловали, а потом зарезали. Деньги забрали, цепочку, кольцо.

Чикатило сидел молча, пытаясь осмыслить услышанное. Опять убили. Изнасиловали и зарезали. Но что значит «опять»? Как это? Он никого не убивал, не резал, не насиловал. Да еще и что-то забрали.

– Она в Ростов ехала, к родне, на три дня, – говорила между тем Фаина. – Представляешь? Ужас какой...

– Это... – Чикатило замотал головой, не в силах понять произошедшее. – Ужас какой... Это... Нельзя так... Я не понимаю... Нельзя!

Он затряс головой.

– Конечно, нельзя... – по-своему поняла Фаина. – Люди совсем взбесились с этой перестройкой... Ты есть будешь?

Чикатило не услышал вопроса, он так и сидел, устремив взгляд куда-то внутрь себя, продолжая дергать головой и повторять:

– Нельзя... Нельзя...

* * *

– Поэтому два последних убийства женщин в районе Батайска, на мой взгляд, выбиваются из общего ряда преступлений, которые мы приписываем потрошителю, – говорил Витвицкий.

– Что значит «приписываем»? – фыркнул Липягин.

– Я бы попросил не перебивать меня, товарищ майор! – вспыхнул капитан.

– Спокойнее, Виталий Иннокентьевич, спокойнее, – поспешил вмешаться Горюнов. – Продолжайте.

– Спасибо.

Витвицкий окинул взглядом коллег – Горюнова, Ковалева, сидящего со скептической ухмылкой Липягина, Иру, которая всем видом старалась его поддержать, – и продолжил:

– Так вот, оба этих убийства отличаются от остальных тем, что называется «корыстный мотив». Преступник – или даже преступники – не просто удовлетворяли свои сексуальные потребности, они еще и грабили жертв. Уже достоверно установлено, что у погибшей Астафьевой из ушей вырвали золотые серьги, также пропали перстень и брошка. У погибшей Брунько Веры Ильиничны забрали крупную сумму денег, обручальное кольцо и кулон. Таким образом...

– Таким образом, вы хотите сказать, что это не потрошитель? – перебил его на этот раз Ковалев. – Что он раньше никогда ничего не похищал, так? А как же тогда быть с почерком? С выколотыми глазами, с отрезанными половыми органами?

Витвицкий в волнении снял очки, принялся старательно протирать стекла:

– Это... Я считаю... Это маскировка. Чтобы всех запутать.

– Смелая гипотеза, – в голосе Ковалева прозвучал скепсис. – Товарищ Горюнов, а вы почему молчите? – повернулся он к московскому коллеге. – Виталий Иннокентьевич нас тут ошастливил, можно сказать. Что вы думаете по этому поводу?

– Пока ничего не думаю. Все эти факты нуждаются в тщательной проверке, – сдержанно отозвался Горюнов и повернулся к Витвицкому. – Но скоропалительных выводов я бы не делал. Понятно, товарищ капитан?

– Но это же факты! – вскинулся Виталий.

– Факты?! – не выдержал Липягин. – Отрезанные титьки – вот это факты! А если там колечко с пальца соскользнуло или цепочка порвалась и затерялась – это хуйня, а не факты. Прости, Ира. Я только одного не понимаю... Зачем тебе это надо, капитан?

– Что «это»? – поджал губы Витвицкий.

– Направлять следствие по ложному пути, – без обиняков выдал Липягин.

В кабинете повисла звенящая тишина. И в этой тишине Витвицкий смял свой доклад и быстро вышел. Овсянникова, бросив на Липягина уничижительный взгляд, вскочила со стула и бросилась следом.

Горюнов задумчиво посмотрел на захлопнувшуюся за ней дверь:

– Майор, опять перегнул.

* * *

Витвицкий в бешенстве выбежал из здания УВД, громко хлопнув дверью. К черту все! Сколько времени он уже здесь, сколько раз доказывал свою полезность, а все равно одно и то же: недоверие, насмешки, издевательства. Почему эти люди всегда критически относятся к любой мысли, выбивающейся из их протоколов? Особенно если мысль эту озвучил он.

– Добрый день, Виталий Иннокентьевич, – поздоровался кто-то, но он не ответил. Не заметил даже.

Он размашисто шагал прочь. Бросить все и вернуться в Москву. Прежде его здесь держал Кесаев, а теперь что? Кесаев уехал, и он уедет.

– Виталий!

Капитан обернулся. От здания за ним бежала Овсянникова. Она уже почти поравнялась с ним, он отвернулся и снова зашагал прочь.

– Виталий, подожди!

– Нет! Все, хватит! Пошли они... к черту! Я не мальчик, чтобы со мной так...

Овсянникова наконец догнала его, схватила за руку, остановила силой.

– Виталий! Ты ведешь себя именно как мальчик, причем маленький...

– Маленький мальчик – это почти тавтология... – пробормотал он обиженно.

– Уйти и всех послать – тут большого ума не нужно. Ты просто говоришь не совсем удобные для них вещи. Но по сути-то ты прав. И я уверена, и Горюнов твой, и Липягин, и даже Ковалев в глубине души это понимают. Им нужно просто все объяснить. Спокойно объяснить, с доказательствами.

– А ты? – хмуро посмотрел на нее Витвицкий.

– Что я? – не поняла Ирина.

– Ты понимаешь, что я прав?

Овсянникова улыбнулась:

– Я всегда за тебя, дурачок.

– Даже когда я не прав?

– У меня еще не было повода проверить.

Она улыбалась тепло, с какой-то материнской нежностью. Затем взяла его под руку и повела по улице, словно он и в самом деле был маленьким мальчиком.

1992 год

В одиночке СИЗО было сыро и холодно. Стены, крашенные в казенные тона, лампочка под потолком в зарешеченном плафоне, койка.

На койке на спине, сложив руки на груди, укрывшись одеялом, лежал Чикатило. Со стороны могло показаться, что он спит, но это было не так.

Чикатило время от времени открывал глаза, смотрел в потолок на горящую вполнакала лампочку в сетчатом колпаке и всякий раз видел на месте лампочки свешивающуюся из-под потолка петлю.

Видение не уходило, и это нервировало. Отбросив одеяло, он вскочил с койки и принялся в раздражении ходить по камере, как автомат: туда-сюда, туда-сюда.

– Раз. Два. Три. Четыре... – бормотал он себе под нос. – Раз. Два. Три. Четыре...

Если бы кто-то наблюдал сейчас за ним, мог бы подумать, что Чикатило и вправду сошел с ума. Но за заключенным никто не наблюдал.

* * *

Точно так же он метался по своей кухне в Новочеркасске: с остекленевшими глазами, кривящимся ртом и судорожно сжимающимися пальцами. Как автомат: туда-сюда, туда-сюда. Как загнанный в угол зверь. И ему было от чего почувствовать себя таким.

Открылась дверь. Вошла заспанная Фаина в ночной рубашке.

– Андрей, ты чего тут? – спросила удивленно. – Что с тобой?

Чикатило замер и поглядел на жену невидящими глазами. Лицо его сейчас походило на посмертную маску, и от этого становилось не по себе. Фаина еще больше испугалась, когда муж вдруг, не меняя выражения на лице, сделал к ней шаг и протянул руку.

Фаина отшатнулась в страхе.

– Не надо садиться в чужие машины! – замогильным шепотом пробормотал Чикатило. – Не надо!

– Ты с ума сошел, что ли? – повысила голос Фаина. – Какие машины, ночь на дворе!

Чикатило вдруг остановился, опустил руки, взгляд его стал живым и сосредоточенным.

– Фенечка... – пробормотал он извиняющимся тоном.

– Зря я тебе про эти убийства рассказала, – рассердилась на себя Фаина. – Иди ложись. Валерьянки накапать?

Чикатило опустил голову и мимо Фаины прошаркал в коридор.

1992 год

«Ты с ума сошел, что ли?» – всплыла фраза жены из глубин памяти.
Чикатило перестал мерить шагами камеру в СИЗО, остановился и забормотал:
– Ты с ума сошел, что ли? С ума... сошел...
В этой случайно всплывшей в памяти фразе было откровение.
С ума сошел!

* * *

В кабинете Ковалева было многолюдно – тут собрались все члены московской и ростовской групп, занимающиеся делом потрошителя, и другие офицеры. Не было только самого Ковалева.

Хмурый Витвицкий стоял у стены возле входной двери и смотрел вверх голов. Рядом с ним замерла Овсянникова. Гул не стихал, как бывает, когда много людей в одном пространстве вполголоса переговариваются друг с другом.

– Коллеги, а чего мы, собственно, ждем? – не выдержал, наконец, кто-то.

– Не чего, а кого! – Липягин с мрачной веселостью кивнул на стул во главе стола. – Начальство наше задерживается.

– А по-моему, оно опаздывает, – посмотрел на часы один из офицеров.

В этот момент дверь распахнулась, и все разговоры затихли сами собой. В кабинет шагнул Горюнов, за ним вошел невысокий лысеющий мужчина лет сорока пяти с лицом, на котором отражалась вечная неприязнь ко всему окружающему.

– Начальство, товарищи офицеры, никогда не задерживается и уж тем более никогда не опаздывает, – подвел итог болтовне Горюнов и прошел на свое место. – Рассаживайтесь, товарищи, рассаживайтесь.

Загромыхали стулья, сотрудники занимали свои места. Стоять остался только человек с залысинами. Он исподлобья рассматривал собравшихся, особое внимание уделяя тем, чьи любопытные взгляды ловил на себе.

– Прежде всего, позвольте вам представить нового руководителя межведомственной группы полковника Брагина Виктора Петровича, – продолжил между тем Горюнов. – Виктор Петрович назначен на место полковника Кесаева...

– Здравствуйте. – Голос у Брагина был неприятный, рокошущий. – Назначен я на свое место, и очень надеюсь, что сумею в рамках своих полномочий закончить то, что было начато до меня. С товарищем Горюновым, – он кивнул в сторону майора, – мы уже знакомы. А где полковник Ковалев?

– Александр Семенович в отпуске, – подал голос Липягин. – На той неделе возвращается.

– Что ж, пусть отдыхает, – снисходительно кивнул Брагин. – С остальными познакомимся в рабочем порядке. И давайте сразу к делу. Я ознакомился с материалами и хочу сказать без обиняков: все очень плохо. Расследование топчется на месте, новых идей нет, инициативы от сотрудников я не увидел, а главное – нет результата...

Липягин привычно наклонился к уху сидящего рядом Горюнова, шепнул доверительно:

– Да он прям Колумб! Открыл Америку.

Горюнов тонко улыбнулся в усы. Брагин же молниеносно среагировал на шепот и резко повернулся к Липягину и Горюнову. Два майора все еще улыбались, отчего неприязни на лице Брагина стало еще больше.

– Я сказал что-то смешное?! Встаньте, товарищи. Встаньте, встаньте, оба!

Липягин и Горюнов, согнав с лица улыбки, поднялись, словно школьники, недоуменно переглядываясь с остальными.

– Вы представьтесь, – обратился полковник к Липягину.

– Майор уголовного розыска Липягин.

Брагин нахмурился, но тут же нехорошо, недобро улыбнулся, словно человек, вовремя нашедший козла отпущения.

– Вот и скажите мне, майор Липягин, – произнес полковник тоном, не предвещающим ничего хорошего, – какие у вас мысли по дальнейшему ходу расследования? Два последних убийства подряд – это что?! И ведь как под копирку! Люди что скажут?! Бандитизм, скажут, завелся в стране. А милиция бездействует. Нет! Скажут – сопли жует милиция, вот как!

Горюнов поморщился.

– Виктор Петрович... – начал было он, но Брагин не дал закончить.

– Скажут и будут правы! – полковник переходил на крик. – Потому что на совещаниях у нас майоры УГРО хихикают, вместо того чтобы работать. Ну, Липягин, я жду ваших предложений.

Брагин обвел начальственным взглядом присутствующих.

– Кстати, всех касается!

Офицеры поспешно отводили глаза, конфликтовать с новым начальством никому не хотелось. Овсянникова тихонько толкнула локтем Витвицкого, ободряюще подмигнула, мол, давай скажи, это шанс!

– Хм... Гм... Можно мне? – поднялся Витвицкий.

Он уже мысленно приготовился говорить, но сказать ему не дали.

– Можно кое-кого за кое-что, – зло зыркнул на капитана Брагин. – Вы что, товарищ офицер, уставного обращения не знаете?! Имя, фамилия?

– Капитан Виталий Витвицкий. Я хотел...

– Вы хотели перебить начальника, капитан, – с новой силой накинудся полковник. – И сделали это. Сядьте! И вы, Липягин, тоже. Дисциплина у вас в группе, товарищи, отвратительная. Потому и результат такой. А мне в министерстве прямо сказали: времени больше нет! Поэтому жду сегодня до пяти часов всех участников расследования с предложениями у себя в кабинете. Всё, товарищи, все свободны. Идите работайте.

* * *

– Susanna, Susanna mon amour, – надрывался магнитофон хриплым голосом Адриано Челентано.

На столе рядом с магнитофоном стояла початая бутылка коньяка, лежала нехитрая закуска. За столом сидел полуголый нетрезвый Черемушкин и попыхивал сигаретой.

Из ванной в одной простыне вышла Алла, пританцовывая на ходу. Увидев ее, Черемушкин бросил сигарету в пепельницу, поднялся из-за стола и тоже принялся танцевать энергично и нелепо, как это обычно делают пьяные люди.

Челентано продолжал петь из магнитофона:

E io, turista ticinese
tu regina di Pigalle
indossavi un pechinese
ed un triangolo di strass
ti ho detto “vieni via con me”,
tu mi hai detto “sì”
io ti ho detto “ripasserò”

“ma no! monsieur, tu ne preoccupe pas,
ma vai!”

Susanna, Susanna,
Susanna, Susanna mon amour.

– Между прочим, у меня завтра день рождения! – Теперь Алла пританцовывала вокруг Черемушкина.

– И сколько же тебе стукнет?

– Целых двадцать шесть!

– Да ты старушка уже! – пьяно рассмеялся Черемушкин.

– Я тебя приглашаю в гости. Будут мои знакомые, родня...

Черемушкин резко остановился и выключил магнитофон, заставив замолкнуть любимого миллионами советских женщин итальянца. Алла тоже перестала танцевать и смотрела на него непонимающе.

– Нет, Алусик, в гости – это я нихт.

Во взгляде девушки удивление сменилось обидой.

– Почему, Костик? Я думала – вот познакомлю тебя...

Ее обида отчего-то показалась ему забавной, и он рассмеялся:

– Мне нельзя. Я же секретный физик. Но! – Он пьяным жестом воздел вверх указательный палец. – Но у меня есть для тебя подарок. Закрой глаза.

– Вот еще, – все еще обиженно фыркнула девушка.

– Закрой, закрой, не пожалеешь! – пообещал он.

Алла нехотя закрыла глаза, принимая правила игры. Черемушкин подошел к серванту, открыл дверцу и достал серьги, те самые, что еще недавно красовались в ушах убитой им Астафьевой. Прикрыв сервант, он подошел к Алле, держа серьги перед собой.

– А теперь открывай.

Девушка открыла глаза, Черемушкин подбросил украшения на открытой ладони.

– Ап!

– Это мне? – Увидев дорогие сережки, Алла расплылась в улыбке и сразу забыла об обиде. – Серьезно?! Ой...

– Тебе, тебе, – улыбнулся Черемушкин. – Давай, мать, примерь. Ты теперь большая уже, серьезно выглядеть должна.

Алла повернулась к зеркалу, придерживая локтями простыню, вдела серьги в уши. Радостно улыбнулась и снова начала пританцовывать, напевая:

– Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна мон амур!

Простыня соскользнула на пол, но Алла не придала этому никакого значения, продолжая танцевать перед зеркалом голая, в одних серьгах.

Зрелище было возбуждающим. Черемушкин подошел, обнял ее сзади, поцеловал в шею, притянул к себе.

– Нравятся?

– Очень! – призналась Алла и тут же спохватилась немного наигранно. – Но они же страшно дорогие...

– Ерунда! Забудь. Надо – еще достану.

Он принялся прикасаться руками к ее обнаженному телу, целовать горячо и требовательно.

– Но все же, Костик, откуда? – чуть отстранилась она.

– От верблюда, – расхохотался в ответ Черемушкин, подхватил Аллу на руки и бросил на кровать.

* * *

После совещания, на котором участники расследования познакомились с «варяжским гостем» Брагиным, многим потребовалось выговориться. В лестничной курилке было шумно – оперативники делились впечатлениями.

– Ни хрена себе новую метлу из Москвы прислали... – Попыхивая «Примой», качал головой седоусый опер, помнивший еще холодное лето пятьдесят третьего года.

– Это не метла – целые грабли, – согласился с ним молодой коллега.

– Или вилы! – Засмеялся старлей, дымивший модным «Ядром».

На лестницу вышел Липягин. Он услышал обрывок разговора, уловил общее настроение и усмехнулся.

– Нам теперь Тимур Русланович как Леонид Ильич будет вспоминаться... При нем был застой – но и колбаса была!

Оперативники рассмеялись.

Стоящий в сторонке Горюнов тоже улыбнулся.

– Про застой это ты хватил, конечно... – отметил он и подмигнул Липягину. – Но, похоже, мы теперь, как зэки на киче после смены кума, – знаем, против кого будем дружить.

По курилке прокатилась новая волна смеха.

– Хорош ржать, – осадил коллег Липягин. – Сдается мне, у нас это скоро будет смех сквозь слезы.

* * *

Витвицкий вышел из здания УВД в расстроенных чувствах. Даже на улице он не мог сдержаться, чтобы не кривить рот и не сжимать кулаки в бессильной злобе.

Его нагнала Овсянникова.

– Виталий! Постой!

Витвицкий остановился, повернулся, мрачный, недовольный. Овсянникова подошла к нему.

– Ты почему меня не дождался?

– А чего ждать, всем этим... в приемной глаза мозолить? Не вижу смысла.

– Ты доложил Брагину свои соображения по поводу ограблений на двух последних убийствах в Батайске?

– Доложил, – уныло кивнул Витвицкий.

– И?

– Он, Брагин этот, относится к широко распространенному среди начальства типу – кипучий дурак, – с обидой сказал Витвицкий и, понизив голос, добавил: – Мне вообще кажется, что сейчас наступает эпоха таких вот людей. Очень энергичных, активных, с хорошо подвешенным языком, но неумных.

– Ты не ответил на вопрос, – нахмурилась Овсянникова.

Витвицкий снял очки, протер платком стекла.

– Нечего отвечать. Там Липягин еще был... В общем, они считают, что выделять два батайских убийства в новое дело нет никакого резона. Мол, я ошибаюсь «из-за недостатка оперативного опыта».

– Ясно... – разочарованно протянула Овсянникова. – Вот ведь гады! «Недостаток опыта...» Надо же...

Витвицкий водрузил очки обратно на нос.

– Плетью обуха не перешибешь. Ладно, пойдем. Кстати, а что ты предложила?

– Да ничего особенного, так, пустяки... Потом расскажу.

* * *

Фильм «Мэри Поппинс, до свидания!» был любим в народе не столько из-за сексапильной Андрейченко, сколько из-за песен, которые распевала вся страна. И «Тридцать три коровы», и «Жил да был брадобрей...», и «Детство наше давно прошло» мгновенно стали шлягерами.

Чикатило с интересом смотрел на экран телевизора, где танцевала и пела английская няня и ее подопечные. А вот Фаина восторгов в отношении Мэри Поппинс не разделяла.

– Какие-то фильмы стали снимать... легкомысленные. Все они вертятся, крутятся, поют все время... В стране людей убивают что ни день, а они поют!

– А надо, чтобы плакали, что ли? – резче, чем обычно, бросил Чикатило.

– Да при чем тут... Я просто вот как подумаю, что Людочка наша сейчас где-то... А вдруг к ней пристанут или в машину посадят и повезут?

– Глупости ты думаешь, Фенечка, – нахмурился Чикатило. – Почему ее в машину должны сажать? При чем тут вообще машина какая-то?

– Так этот... убийца из лесополосы который, он, говорят, на машине стал разъезжать. Увидит красивую женщину на дороге – останавливается, хватает и увозит. Насилует и убивает. Два случая уже было.

Чикатило несколько секунд сидел молча, а потом вдруг буквально взорвался:

– Дрянь ты несешь! Дрянь и ерунду! Нет никакой машины! Ерунда и бред собачий!

Чикатило вскочил, включил свет и замер перед женой, весь всклокоченный, злой. Фаина смотрела на него с удивлением и страхом.

– Ты зачем кричишь?

– Потому что это бред! Бабы сплетни! И ты дура, что их повторяешь!

Фаина не выдержала:

– Я – дура?! А ты... Псих ненормальный! Разорался он тут... Телевизор нельзя дома спокойно посмотреть!

Фаина встала, пошла к двери.

– Все, я спать! А ты иди водички попей, может, успокоишься.

Хлопнув дверью, Фаина вышла. Чикатило проводил ее тяжелым взглядом и рухнул в кресло.

Спустя несколько часов, когда об этой внезапной вспышке было забыто и супруги легли спать, Чикатило проснулся от навязчивых мыслей и желаний.

Он встал, прошел на темную кухню, освещенную из окна уличными фонарями, налил воды, жадно выпил. Взгляд его, шаривший по кухне, упал на ящик стола. Чикатило бесшумно выдвинул ящик, достал нож, покрутил. В свете фонарей лезвие роняло тусклые блики.

Чикатило медленно поворачивал нож в руке, замороженно разглядывая его, словно пытаясь увидеть свое отражение в нержавеющей стали.

* * *

Витвицкий сидел в кресле, напротив телевизора, читал газету «Правда». Передавали выступление Горбачева. Звук был отключен, и генеральный секретарь только открывал рот и делал характерные жесты руками, которые так любили пародировать сатирики.

Часть комнаты была отгорожена шкафом, там переодевалась Овсянникова. Ее вещи висели на открытой дверце, она то и дело брала что-то, примеряла, вешала обратно на дверцу.

– Ира, тут пишут, что под основание реактора в Чернобыле заложена бетонная подушка и утечка радиации в грунтовые воды полностью исключена, – оторвавшись от газеты, сказал Витвицкий. – Могут же, когда захотят.

– Правду мы все равно никогда не узнаем, – откликнулась Овсянникова.

– Зря ты так, – не согласился Витвицкий. – Сейчас начали писать и говорить обо всем – гласность!

Горбачев на экране беззвучно разводил руками, что-то говорил, улыбался.

– А мне кажется, что «гласность» эту специально придумали, чтобы люди пар могли выпускать, – сказала Овсянникова.

– Что-то ты сегодня какая-то пессимистичная... – Витвицкий сложил газету. – А куда ты вообще наряжаешься?

Овсянникова выпорхнула из-за дверцы шкафа. На ней была очень короткая мини-юбка, чулочки в черную сеточку, модная блузка с рукавами летучая мышь, на руках пластмассовые браслетики, в ушах яркие клипсы, прическа взбита а-ля «взрыв на макаронной фабрике», на лице – очень вызывающий яркий макияж.

Ирина напевала модную песенку Алисы Мон:

Подорожник-травка, на душе тревога.
Может, вовсе у нас не было любви.
От тебя до меня – долгая дорога.
От меня до тебя – только позови.

Она начала пританцовывать перед Витвицким, виляя бедрами и крутя задницей.

Виталий молчал, ошарашенный таким видом и поведением.

– Ну как я вам, товарищ капитан? – игриво спросила Овсянникова.

– Ты... – Витвицкий даже задохнулся от возмущения. – Ты похожа на... падшую женщину!

– В точку! – рассмеялась Овсянникова. – Я вызываю желание, а?

Витвицкий нахмурился: он наконец все понял. Ирина развязно подмигнула:

– Ты бы остановился на трассе, увидев такую мамзель?

– Именно это ты предложила Брагину? Ловить убийц на живца?

Овсянникова, продолжая пританцовывать, кружилась вокруг Витвицкого, касаясь его бедрами, плечами, грудью.

– Да-а, именно, именно-о-о...

– И живец – это ты?

– Конечно-о-о... Ну не ты же! – Овсянникова изобразила какое-то совсем уж немислимое в приличном обществе па, что-то из стриптиза. – Видишь, какой хорошенький живец...

– Ира, это опасно! – Повысил голос Витвицкий. – И потом – вот сядешь ты в машину, а дальше? Что ты будешь делать?

Овсянникова отступила на пару шагов, напевая:

– А дальше, дальше, дальше...

Она вдруг резким движением схватила со стола пистолет, навела на экран телевизора, где показывали аплодирующих Горбачеву людей.

– А дальше – пиф-паф. И ой-ё-ё-ё-й! – Ирина рассмеялась.

Витвицкий подошел к ней, обнял, поцеловал.

– Ира, я тебя очень люблю, – тихо сказал он. – И если с тобой что-то случится...

Овсянникова отстранилась, кинула пистолет на диван.

– Да ничего со мной не случится, Виталик, – грустным голосом сказала она. – Брагин не одобрил. У него там какая-то своя версия по поводу убийств в Батайске появилась.

– Иди сюда, – Витвицкий привлек ее к себе, прижал, еще раз поцеловал. – Что ни случается, все к лучшему.

* * *

Полковник Брагин любил совещания и собрания трудового коллектива. На этих мероприятиях он мог в полной мере продемонстрировать свое, как он считал, лучшее качество – умение долго и солидно говорить.

Вот и очередное совещание группы, работающей по делу потрошителя, Брагин начал с того, что громко, хорошо поставленным голосом сообщил всем собравшимся:

– Я проанализировал все ваши предложения, товарищи, и, несмотря на их, так скажем, разновекторность, обнаружил несколько весьма перспективных направлений для работы.

По кабинету пробежал легкий шум, офицеры переговаривались, пытаясь угадать, что решит новое начальство.

Брагин повысил голос:

– Но это не значит, что сейчас произойдет некое чудо и нам на блюде с голубой каемочкой, как об этом писали классики, преподнесут убийцу. Впереди большая работа. Михаил Сергеевич Горбачев еще весной ясно и четко обозначил...

Он взял со стола лист, начал читать:

Начинать нужно сначала с перестройки в мышлении и психологии, в организации, в стиле и способах работы. Скажу откровенно, если мы сами не перестроимся, я глубоко убежден в этом, то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь⁶.

Сделав паузу, Брагин глотнул воды из стакана, оглядел всех и продолжил:

– Так вот, товарищи, всем нам требуется перестройка в методах нашей работы. С этого и начнем. Вопросы есть?

– Есть, Виктор Петрович, – неожиданно отозвался Горюнов. – Что конкретно вы предлагаете?

Брагин нахмурился, но ответил быстро и уверенно:

– Конкретно я предлагаю переосмыслить весь накопленный нами материал и объединить его в некий информационный блок, на базе которого мы все сможем оперативно вычленять и использовать любую, я подчеркиваю, товарищи, любую необходимую информацию.

– А по ходу расследования? – спросил Липягин, не глядя на полковника.

– Ну, товарищи, такие вопросы нужно решать уже в рабочем порядке, – недовольно поморщился Брагин. – Мой опыт подсказывает, например, что трупы на двух последних убийствах – там, где похитили украшения и деньги, – могли обобрать лица без определенного места жительства. Вот на этой версии и нужно сосредоточиться в настоящий момент. Все, идите работайте.

Офицеры поднялись, двинулись к выходу. У многих на лицах было разочарование – они явно ожидали от собрания большего.

* * *

Выйдя в коридор, Липягин нагнал Горюнова, поравнялся, посмотрел, как бы спрашивая – что думаешь?

⁶ Из выступления перед коллективом Волжского автозавода в Тольятти 8 апреля 1986 года, на котором было впервые явно заявлено о необходимости перестройки. (Прим. ред.)

– Балабол, – тихо сказал Горюнов.

Липягин протянул Горюнову ладонь – отбить пять, как в баскетболе, кивнул в сторону кабинета, где остался Брагин.

– Птица-говорун, – сказал Липягин.

Горюнов усмехнулся, хлопнул ладонью по руке Липягина. Оба засмеялись, довольные тем, что мыслят в одном направлении.

– Может, пивка вечером дернем? – спросил Горюнов. – Я одного дедка на рынке нашел, он таких вяленых лещей продает...

– С радостью, да не могу, – Липягин развел руками. – Шеф сегодня из отпуска прибывает, надо встретить. Он еще не знает, какой «подарочек» тут его ждет...

* * *

Полковник Ковалев вернулся с отдыха посвежевшим, бодрым. Он выбрался из служебной «Волги» возле здания УВД, подал руку Липягину, тот сжал ее, как клешнями:

– С прибытием, Александр Семенович!

– Здравствуй, Эдик. – Ковалев ответил на рукопожатие. – Ты чего так жмешь?

– Прости, задумался. – Липягин развел руками. – А ты прямо как новенький. Хорошо отдохнул?

– Ну как сказать отдохнул... С семьей – это разве отдых? Это работа сверхурочно!

Оба рассмеялись, закурили.

– Сорока на хвосте принесла – из Москвы нового начальника прислали с широкими полномочиями? – спросил Ковалев.

– Там такой барбос – пиздец всему, – хмыкнул Липягин. – Язык подвешен, будь здоров. Про перестройку и прочее речи задвигает не хуже Горбачева.

– И это тоже слышал. Поэтому я пока в сторонке постою, посмотрю. Древние китайцы что говорят? – Ковалев иронично улыбнулся.

– Что?

– Хочешь, чтобы тигр упал в яму, – дай ему подойти к ее краю. – Ковалев выкинул окурочек.

Липягин рассмеялся.

– Но поручаться мне с ним придется, конечно, – продолжил Ковалев. – Ты узнай, когда он свободен, и доложи. Я буду у себя. А вечером с Олей давайте к нам: посидим пообщаемся, про море расскажем.

– Обязательно! – заверил начальника Липягин.

1992 год

Зал суда, как обычно, был полон народа. Люди выглядели угрюмо, сосредоточенно, даже деловито. Первые эмоции уже схлынули, и теперь на лицах многих читался мрачный интерес: когда и чем это закончится?

Чикатило сидел в своей клетке, шарил взглядом по потолку, по стенам, по полу, старательно не встречаясь глазами ни с кем в зале. По его лицу блуждала кривая ухмылка, и со стороны казалось, что он нетрезв либо не в себе.

Вошел секретарь, объявил дежурно:

– Встать! Суд идет!

Собравшиеся вразнобой поднялись с мест, сидеть остался только Чикатило. Он словно бы не слышал голоса секретаря.

– Подсудимый! – Секретарь повысил голос. – Встаньте! Проявите уважение к суду!

Чикатило продолжал шарить взглядом по потолку, кривил губы и словно бы не слышал. Из зала закричали, задыхаясь от ненависти:

- Встань, сука!
- Встань, пидор!
- Тварь, блядь! Встал бегом!

Чикатило продолжал сидеть и озираясь.

Поднялся шум, отдельные выкрики слились в общий рев. В этот момент вошел судья, прошел на свое место, сел.

– Порядок в суде! Тишина! Тишина! – прокричал судья, но люди не унимались. Сказывалось накопившееся за предыдущие заседания нервное напряжение, требовавшее выхода.

Чикатило продолжал сидеть. Люди в зале покидали свои места, пробираясь между рядами стульев в сторону клетки. Охранники, растерянно переглядываясь, взяли за оружие. В зале стоял крик и мат, словно началась драка.

Судья поднял папку с делом и с силой ударил ею о стол – звук, похожий на пушечный выстрел, перекрыл все.

– Внимание! – рявкнул судья, и в зале стало тихо. – Если порядок не будет восстановлен, я прикажу очистить зал! Заседание будет идти при закрытых дверях.

Люди, словно опомнившись, умолкли, нехотя стали возвращаться на свои места, ворча, рассаживались.

– Подсудимый, – обратился судья к Чикатило, – почему вы не встали?

Чикатило перестал блуждать взглядом по стенам и потолку, повернулся и посмотрел на судью.

– Что?! А? – спросил он, старательно изображая человека, находящегося в пустой комнате. – С кем я говорю?

– Подсудимый Чикатило! – голос судьи зазвенел. – Вы меня слышите?

– Кто здесь?! – завертел головой Чикатило.

В зале снова зашумели, судья зыркнул на секретаря, но тот лишь виновато развел руками – а что я могу сделать?

* * *

Ковалев разговаривал по телефону, когда к нему в кабинет вошла, предварительно постучав, Овсянникова.

– Да, и пусть усилят патрулирование в районах остановок, промзон, магазинов, заброшенных строений, – говорил в трубку Ковалев. – Всех задержанных обыскивать и тщательно опрашивать...

– Мне позже войти? – спросила Ирина.

Ковалев отрицательно помотал головой, указал на стул, зажал трубку ладонью, прошипел:

– Садись! Я сейчас...

Овсянникова села, сложила руки на столе, как школьница.

– По результатам – сразу мне, ясно? Да, мне лично, напрямую. Работайте.

Ковалев закончил разговор, положил трубку, кивнул Овсянниковой:

– Привет. Очень хорошо, Ирина, что ты зашла.

– Александр Семенович, я по поводу версии капитана Витвицкого, – сразу взяла быка за рога Овсянникова.

– А сам он что, шибко гордый? – нахмурился Ковалев.

– Ну не шибко... – растерялась старший лейтенант.

– Но гордый. Понял. Скажу так: версию его знаю, но не согласен с ней. Поняла?

– Да почему не согласны-то?! – в сердцах воскликнула Овсянникова. – Ну слепому же ясно, что это не наш убийца! Вот я принесла, копия заключения судмедэкспертизы... – Она достала из папки несколько листов бумаги. – И характер надрезов, и способ нанесения ударов... В обоих случаях в Батайске он схожий, но отличается от остальных случаев. И главное – украшения и деньги! Потрошитель никогда не грабил жертвы, у него другая психология...

– Стоп! – жестко прервал ее Ковалев. – Когда я слышу слово «психология», я хватаюсь за пистолет. Но ты верно уловила суть – украшения и деньги. Это главные улики по батайским убийствам. Новое московское начальство хорошую версию выдвинуло: трупы обобрали местные бичи. Я только что с Батайском говорил, ты слышала. Так что собирайся и дуй к ним. Обойдешь все свалки, все подвалы, все блат-хаты, но без бирюлек, которые они с трупов сняли, не возвращайся, поняла?

– Но Александр Семенович... – растерянно пролепетала Овсянникова, которая представляла себе итог разговора совсем иным.

– И как найдешь – сразу ко мне, пулей! – отрезал Ковалев. – Утром москвичам нос по самые помидоры. Свободна!

1992 год

Чикатило все так же вертел головой, кривил губы, словно бы пытаясь понять, что за голоса он слышит. В зале стоял шум, и судья уже хотел приостановить заседание:

– Подсудимый Чикатило, я в последний раз вас спрашиваю: вы будете отвечать на вопросы суда?

– Кто это говорит? А?! – Чикатило комично выдвинул ухо между прутьев решетки.

– Дурачка валяет, сука! Под психа косит! – закричали из зала.

Первым терпение лопнуло у прокурора. Он встал, ударил кулаком по столу и пробасил:

– Довожу до сведения суда и подсудимого, что по нашей просьбе специальная комиссия Научно-исследовательского института общей и судебной психиатрии им. Сербского провела судебно-психиатрическую экспертизу подсудимого Чикатило Андрея Романовича. У нас есть представитель института, врач-психиатр товарищ Очаков. Сейчас он зачитает заключение комиссии. – Прокурор повернулся к невысокому, полноватому мужчине лет сорока пяти, кивнул. – Прошу вас.

Чикатило перестал блуждать взглядом по потолку, он внимательно, даже оценивающе посмотрел на Очакова; в глазах Чикатило появилась злоба.

– После проведения всесторонних исследований, – заговорил Очаков чуть хрипловатым голосом, и в зале сразу стало тихо, – комиссия пришла к заключению, что Чикатило Андрей Романович хроническим психическим заболеванием не страдает...

В зале опять зашумели. Чикатило встал со своего места, сузив глаза, с ненавистью посмотрел на Очакова и вцепился в прутья решетки.

– В подростковом возрасте на фоне явлений психического инфантилизма у испытуемого появились нарушения полового развития, которые выражались в нарушении биологической базы сексуальности, ослабленном половом влечении, недостаточности эрекции... – продолжал читать заключение Очаков.

– Ложь! Это ложь! – закричал Чикатило, кривя лицо.

– Подсудимый! Помолчите! – оборвал его судья.

– Я... Я не... – Чикатило попытался что-то сказать, но судья снова перебил его:

– Сядьте!

– Продолжайте, пожалуйста, – сказал Очакову прокурор.

Тот кивнул, вернулся к тексту:

– Спасибо. Таким образом, в дальнейшем у испытуемого на фоне явлений нарушения гетеросексуальной адаптации произошло формирование сексуальных перверсий, которые на ранних этапах, до тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, проявлялись частичной реализацией садистических фантазий на педоэфебофильных объектах, эпизодах фроттажа и вуайеризма.

Чикатило замер, сел, опустил голову. Очаков продолжал:

– Однако указанные особенности психики при отсутствии продуктивной психопатологической симптоматики, болезненных нарушений мышления, памяти, интеллекта и сохранности критических способностей были выражены не столь значительно и не лишали Чикатило во время совершения инкриминируемых ему деяний способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Чикатило прикрыл глаза. Голос Очакова звучал все глуше, как сквозь вату.

* * *

Чикатило шел по тропинке через кусты, за ним с озабоченным видом спешил мальчик лет десяти-двенадцати. Чикатило говорил на ходу, часто оглядываясь через плечо на мальчика, проверяя – заинтересован ли он, верит ли, не сорвется ли:

– Я, главное, сразу-то не понял, что это, а потом присмотрелся – самолетик в кустах застрял, авиамодель. Я авиамоделизмом в детстве занимался, но мы только планеры делали, – частил Чикатило.

Мальчишка на беду свою верил.

– А самолет точно с моторчиком? – уточнил он.

– Сто процентов! – заверил его Чикатило. – Там даже масло разлилось немного, я ботинок испачкал, видишь? Иду, смотрю – лежит. Запускал кто-то, а он улетел.

– Вы сказали – Ил-2?

– Ну мне так показалось. Он зеленый весь, а пропеллер красный. Красивая модель. Мне-то не нужно, а тебе пригодится. Тебя как зовут, кстати?

– Валера. Валерий то есть, – солидно уточнил мальчик.

– И давно ты авиамоделизмом занимаешься, Валерий? – облизывая губы, спросил Чикатило.

– Два года уже, – сказал Валерка и гордо добавил: – Мы с пацанами модель Пе-8 строим.

– Молодцы какие, – похвалил Чикатило. – И в машины чужие не садитесь, надеюсь?

– Нет, не садимся, – Валерка недоуменно пожал плечами. – А скоро мы придем?

Чикатило остановился, огляделся, потом обернулся и посмотрел на мальчика.

– Пришли, все.

В следующую секунду он бросился на Валерку, схватил и потащил в кусты. Затрещали ветки, послышался отчаянный крик мальчика:

– Вы что?! Пустите! Не надо! Вы... Ты... Дурак! Ненормальный!

Чикатило зажал мальчику рот. Некоторое время были слышны звуки борьбы, возня, а потом все стихло...

Спустя полчаса, или около того, из кустов выбрался Чикатило в помятой, кое-где испачканной землей одежде. В руках его был окровавленный нож, прихваченный с кухни.

1992 год

Чикатило вздрогнул, отгоняя воспоминание. У него в ушах все еще звучал голос убитого мальчика Валеры: «Дурак! Ненормальный!»

Постепенно через этот голос пробился голос Очакова:

– Поэтому Чикатило, как не страдавшего какими-либо психическими заболеваниями и сохранявшего способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими в отношении содеянного, следует считать вменяемым.

Чикатило посмотрел на Очакова. В его глазах появилось понимание того, что он должен сейчас сделать.

– Выявленные индивидуально-психологические особенности Чикатило не оказывали существенного влияния на планирование и реализацию непосредственно криминальных действий... – читал Очаков.

Глаза Чикатило остекленели, он начал что-то шептать.

– ...О чем свидетельствует дифференцированность его поведения. Он избирательно подходил к выбору объекта, учитывал специфику обстановки, в соответствии с этим корректировал свои действия. По своему психическому состоянию Чикатило также может отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

– Ангел сказал... – негромко произнес Чикатило.

– Таким образом, в применении принудительных мер медицинского характера он не нуждается. – Очаков дочитал заключение до конца и добавил: – Заключение сделано двадцать пятого октября одна тысяча девятьсот девяностого года, председатель комиссии доктор медицинских наук, профессор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.